НЕЩАСТНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІИ

ВАСИЛЬЯ БАРАНЩИКОВА

МѢЩАНИНА НИЖНЕГО НОВАГОРОДА

въ трехъ частяхъ свѣта:

Въ Америкѣ, Азïи и Европѣ

съ 1780 по 1787 годъ.

Третïе изданïе съ дополненïемъ.

иждивенïемъ И. Г.

Въ Санктпетербургѣ,

Печатано въ Типографïи Б. А. Гека

1793 года.

Свидѣтельствовалъ и подписалъ Коллежскій Совѣтникъ и отправляющій должность Санктпетербургскаго Полицеймейстера.

Андрей Жандръ.

1780 года въ Генварѣ мѣсяцѣ взялъ Василей Баранщиковъ отъ Городоваго Магистрата на годъ пашпортъ и поѣхалъ въ Ростовъ съ кожевеннымъ своимъ товаромъ на ярмонку, бывающую тамъ великаго поста на второй недѣлѣ, или въ такъ называемое первое зборное воскресенье, гдѣ продолжается болѣе двухъ недѣль. Тамъ продалъ онъ свой товаръ за 175 рублей и получилъ деньги, въ коихъ состояло все его имѣнїе; но сїи деньги у него украдены и онъ печалясь о покражѣ, продалъ въ Ростовѣ двухъ своихъ лошадей за 40 рублей и нанялъ въ Санктпетербургъ попутнаго извощика за 15 руб. въ намѣренїи поправить свое состоянїе, вступя къ

кому нибудь во услуженіе. Туда пріѣхалъ Марта въ послѣднихъ числахъ 1780 года; въ скоромъ времени нашелъ для себя службу и нанялся у Его Превосходительства *Михайла Савича Бороздина* и г. Коллежскаго Совѣтника *Василья Петровича Головцына* съ *компаніею* ѣхать на собственномъ ихъ кораблѣ съ мачтовымъ лѣсомъ къ Французскимъ берегамъ города Бурдо и Гавръ де Грасъ матрозомъ съ заплатою кромѣ пищи на каждой мѣсяцъ по десяти рублей. Приготовляясь къ отплытію на корабдѣ всѣ наняпые матрозы работали такелажъ; то есть: вили веревки, вязали блоки, шили паруса и прочее болѣе двухъ мѣсяцовъ. — Построенной въ Санктпетербургѣ на Охтѣ неоснащенной корабль должны были наняпые матрозы по уговору съ хозяевами провесть въ

Кронштатъ, гдѣ оной оснастивъ нагрузили мачтовыми деревами подъ присмотромъ шкипора иноземца. Изъ Кронштата въ половинѣ Сентября 1780 года отправились Балтїйскимъ моремъ, а за противными и бурными вѣтрами приплыли въ Зундъ, владѣнїя Короля Датскаго, къ столичному городу Копенгагену уже въ исходѣ Ноября мѣсяца, гдѣ остановясь, надлежало Капитану корабля для осмидесяти человѣкъ матрозовъ, на его суднѣ бывшихъ, запастись водою и съѣстными припасами, сушить сухари и прочее.

Декабря 12 дня 1780 года съ корабля отпущенъ былъ онъ Баранщиковъ съ другими матрозами въ самый городъ Копенгагенъ для покупки себѣ надобнаго и идучи изъ города одинъ на свой корабль, зашелъ въ питейной домъ подъ вечеръ, какъ

свойственно рускому человѣку, выпить пива, гдѣ увидѣлъ двухъ человѣкъ Датчанъ, кои ему привѣтствовали и ласкали, говоря съ нимъ своимъ языкомъ; но онъ не разумѣлъ и отвѣчалъ имъ одними знаками, что пора ему итти на свой корабль. Тѣ двое Датчанъ увидѣли, что онъ Россїянинъ и съ чрезвычайною ласкою просили его пить водку и пиво и онъ у нихъ пилъ. Прошло не болѣе получаса, какъ явился въ тотъ питейной домъ нарядный плутъ, который, увидѣвъ его Баранщикова, сталъ говорить весьма чисто по руски, и первое его было слово: *здравствуй братъ! Здороволь ты живешъ? Откуда и куда плывете*; по томъ сталъ просить питьемъ, и всѣ четверо пили; прошло уже часа два ночи и тогда въ питейномъ домѣ никого кромѣ ихъ обоихъ не осталось. Послѣ

того произносилЪ онЪ о тѣхЪ двухЪ ДатчанахЪ разныя похвалы, что онѣ люди богатыя и онЪ у нихЪ болѣе десяти разЪ бывалЪ на кораблѣ вЪ гостяхЪ, а нынѣшней день хотѣлЪ ихЪ просить кЪ себѣ, но незасталЪ и нечаянно пришолЪ сюда вЪ питейной домЪ и здѣсь ихЪ нашелЪ; потомЪ совѣтовалЪ ему сЪ ними познакомиться и быть дружну для того, что будто онѣ руских очень любятЪ. — БаранщиковЪ по такому откровенному случаю спросилЪ его: откуда ты братЪ и какЪ твое имя? На оное сказалЪ сей обманщикЪ: я руской изЪ Риги и сюда приѣхалЪ на галїотѣ Рижскаго купца *Венедикта Ивановича Хватова*. Переговоря же сЪ товарищами по Датски, сталЪ его Баранщикова звать на ихЪ корабль, также и тѣ двое ДатчанЪ усильно зна-

ками просили и ласкались, а онъ подтверждалъ своими вымыслами, что можно ему возвратиться, ночевавъ у нихъ на кораблѣ, завтра по утру весьма рано. Онъ отговаривался недосугами, что надобно сухари сушить, и что за отлучку будетъ наказанъ; но сей нарядный плутъ уласкалъ его, и онъ согласился пойти съ нимъ вмѣстѣ на ихъ корабль, и такъ всѣ четверо изъ питейнаго дома пошли и часа въ три ночи, пришедши къ пристани, переѣхали на шлюбкѣ и взошли на корабль, гдѣ тотчасъ свели его Баранщикова въ интрюмъ и приковали за ногу къ стѣнѣ корабля. Неожидаемой такой поступокъ открылъ ему глаза, что онъ слѣпо повѣрилъ словамъ онаго обманщика и сколько ни старался избавиться, какъ разными угрозами, такъ и л... вымъ прошенїемъ у Датчанъ,

чтобЪ они его отпустили; но они неуважали ничего, притворяясь, будто неразумЂютЪ, а велЂли ему перестать кричать, и что онЪ за то весьма больно битЪ будетЪ. Между тЂмЪ увидЂлЪ на другой сторонЂ корабля еще шесть человЂкЪ прикованныхЪ: одного Шведа и пятерыхЪ НЂмцовЪ изЪ Данцига, о коихЪ узналЪ послЂ, когда уже плыли вЪ Америку и употреблены всЂ обще сЪ нимЪ вЪ матрозскую должность на Датскомъ кораблЂ. На другой день послЂ полудни, вЪ горестномЪ отчаянїи будучи и сидя прикованЪ вЪ низу корабля, увидЂлЪ пришедшего кЪ нему обманщика, который сталЪ говорить: вотЪ братЪ попался вЪ гости; выговоренныя такїя слова огорченному печалїю подали случай проливать горькїя слезы. Сей нарядный плутЪ, увидЂвЪ

его въ такомъ состоянїи, сталъ улещать: небойся, тебя везутъ въ Америку и будетъ житье доброе, весьма много тамъ алмазовъ и яхонтовъ и неопасайся ничего; я и самъ лѣтъ пятнатцать странствовалъ и такъ же какъ и ты былъ отвезенъ, но нынѣ слава Богу, вмѣстѣ съ двумя хозяевами Датчанами Карломъ Сриптценомъ и другимъ Германомъ товарищъ; ты видишъ, что на кораблѣ нашемъ нагружено желѣзо, пенька, ленъ и прочее; теперь я тебѣ откроюсь: мое имя Матисъ или Матвѣй, и я родомъ полякъ: тебѣ же ничего не будетъ, и какъ только снявшись съ якоря проплывутъ брантъ-вахты здѣшняго Датскаго владѣнїя, называемыя Гелсинъ-Нордъ и Гелсинъ-Боръ, то тебя роскуютъ; онѣ отсюда недалѣе тритцати верстъ, что по его словамъ

такъ и сбылось. Уговоря его, напоили Французскою водкою и пуншемъ и накормили кашицею. — Четыре дни, какъ взятъ онъ былъ на корабль обманомъ, простоявши, снялись съ якоря; проплыли брант-вахты и тогда всѣхъ ихъ семерыхъ одного Шведа, пятерыхъ Нѣмцовъ и его седмаго расковали и одѣли въ свое матрозское платье, заставивъ отправлять должность матрозовъ.— На брант-вахтахъ никакого осмотра въ кораблѣ за подарки отъ нихъ не было, а только подъѣхала шлюбка, въ которую когда сбросили хозяева нѣсколько серебреныхъ денегъ, то она и возвратилась. На Датскомъ кораблѣ изъ Копенгагена плыли они Сѣвернымъ Океаномъ болѣе пяти мѣсяцовъ, незаходя никуда и невидѣвъ съ корабля своего земли и никакихъ острововъ; ибо только единожды въ ясную

погоду на лѣвой сторонѣ замѣтили стоящїе въ Аглинскомъ каналѣ на якоряхъ корабли весьма въ дальномъ разстоянїи, и въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1781 года приплыли въ Америку къ острову Санкто-Томасъ. Тутъ высадили на берегъ и поверстали его Баранщикова въ салдаты. Сей островъ владѣнїя Датскаго: тамъ обучали его ружьемъ мѣсяцовъ около двухъ и производили жалованья въ сутки по 12 штиверовъ Датской серебреной монеты, перемѣшанной съ мѣдью, а каждой штиверъ на Россїйскїя деньги стоитъ 2 копейки: по жаркости климата тамошнего не льзя носить другаго платья, кромѣ парусного и всѣ Датскїе солдаты на островѣ Санкто-Томасъ, или святаго Ѳомы одѣты въ парусной мундиръ. Тамъ будучи приведены къ присягѣ въ церьквѣ при Комендантѣ пас-

торомъ, или священникомъ всѣ семь человѣкъ, то есть, одинъ Шведъ и пятеро Нѣмцовъ, а онъ седьмой, цѣловали въ киркѣ, или церьквѣ ихъ вмѣсто Евангелія корабельной флагъ нынѣшнего владѣющего Его Величества Короля Христіана VII. съ изображеніемъ креста Господня; держали же самой тотъ флагъ всѣ семеро за конецъ, а насторъ читалъ молитвы, по окончаніи коихъ къ тому кресту приложились; потомъ отдали въ команду Офицеру и спросили его, какъ имя: онъ сказалъ, что зовутъ его Васильемъ; но немогли начальники сего слова понять, и нарекли ему имя Мишель Николаевъ, такъ онъ Баранщиковъ при перекличкѣ по списку съ прочими солдатами и отзывался въ строю или ученьѣ, когда его съ тѣми товарищами обучали ружьемъ, Сверьхъ жа-

лованья производили печенаго хлѣба по фунту, или литрѣ, самаго плохаго по ихъ названїю Шкофта: оной гораздо хуже нашего Россїйскаго да и черенъ, ибо состоитъ изъ произрастѣнїя, называемаго Датчанами платна Банана, и варили кофїй всякое утро по нарочитой чашкѣ съ сахарнымъ пескомъ; банана очень сытна, оную можно ѣсть, кромѣ сырой, соленую, вареную, печеную и жареную, и дерево сего произрастѣнїя подобно нѣсколько видомъ нашему еловому дереву, а плодъ онаго сырой, вкусомъ какъ огурецъ, и бываетъ длиною въ полъаршина, толщиною неболѣе нашего большаго огурца, кожа на немъ зеленая; дерево же высокое, ровное и листья аршина въ три и такъ легки, какъ трава, однимъ листомъ можно послать и одѣться: дерево впрочемъ такъ кропкое,

что можно большимъ ножемъ, или солдатскимъ тесакомъ перерубить неболѣе какъ съ разу по мягкости его: чрезъ одинъ годъ опять оно выростаетъ и приноситъ плоды.

Въ Санкто Томасѣ ростутъ еще плоды, называемые кокосовые орѣхи, кои извѣстны въ Санктпетербургѣ, да и всѣмъ почти Россїянамъ: на каждой день производили всѣмъ солдатамъ по одному орѣху, они весьма вкусны, дерево ихъ высоко и очень крѣпко, высотою какъ наша большая сосна и роснетъ на поляхъ; жители сего острова собираютъ съ него орѣхи. Тамъ водятся обезьяны, кои научены и воду въ домы носить; съ маленькимъ сосудцемъ кокосовыхъ орѣховъ посылаютъ на колодцы ихъ и онѣ исправляютъ весьма вѣрно свою должность. Дикїя обезьяны, какъ

скоро примѣчены будутъ на деревѣ кокосовомъ или близко онаго, то обитатели острова Санкто - Томаса приходятъ къ кокосовому дереву и нарочно обезьянъ пугаютъ, дразнятъ, мечутъ въ нихъ небольшими камешками; напротивъ того обезьяны съ дерева кокосова бросаютъ проворно спѣлые орѣхи, которые они подбираютъ; тамъ неболѣе стоитъ орѣхъ двухъ копѣекъ или штивера: ростетъ еще въ Санкто-Томасѣ сахарной тросникъ; простолюдимы наши думаютъ и называютъ оной плодъ сахарнымъ пескомъ и будто есть сего песку цѣлыя горы; но плодъ сей подобенъ Россїйской травѣ ангеликѣ, или по просту назвать боршу, или коровнику, которая ростетъ на мокрыхъ мѣстахъ большею частїю, нежели на гористыхъ, и кою малыя ребята рвутъ и очи-

стивши кожу ѣдятъ; а Американскихъ природныхъ жителей онаго острова Араповъ ребята, срѣзавши сахарную трость, ѣдятъ и сосутъ сладость патоки, разрѣзавъ на части; взрослые же Американцы подрѣзываютъ тростникъ мѣсяца чрезъ три во всякое время и онъ опять *вторично* вырастаетъ; они его не сѣютъ и не садятъ, но самъ оной вырастаетъ срѣзанной, изъ него вяжутъ пучки и сдѣлана у нихъ машина по рускому названїю *жемы*, коими всю патоку выжимаютъ и варятъ въ котлахъ мѣдныхъ на огнѣ, а она садится въ пѣсокъ, которой они кладутъ въ бочки, сдѣланныя изъ дерева, привозимаго изъ Данїи въ доскахъ, а тамошнее дерево негодится, ибо весьма крѣпко, а особливо самшитъ, вернебукъ, или красной сандалъ и прочїя. Кофїй на

ономъ островѣ ростетъ въ немаломъ изобиліи при морскихъ заливахъ на деревахъ небольшихъ, кои подобны нашей сливѣ, или вишнѣ и самой молодой яблонѣ, величиною не болѣе аршина въ два и три. Американцы и Арапы, Санкто-Томаскіе жители, сбираютъ съ сего дерева плоды, постилаютъ подъ него полотно или худыя паруса и дерево тресутъ легонько; въ каждой вѣточкѣ находится ихъ два зернышка, по очищеніи коихъ сушатъ на солнцѣ и вѣютъ по своему обыкновенію лопатою, чтобъ отстала чешуя противу вѣтру; они не садятъ также и несѣютъ кофію, но оное тамъ самородное.

Баранщиковъ никакъ не могъ приобыкнуть къ Данскому языку и сдѣлался непонятенъ въ ученіи ружьемъ, за что хотя его товарищей рекрутъ часто

бивали палками, но онъ былъ извиняемъ и не былъ битъ чрезъ два мѣсяца, вмѣсто чего однако же изъ онаго острова промѣняли его въ островъ Гишпанскаго владѣнія Порторико не въ дальнемъ оттуда разстояніи.

Въ Порторико посланъ онъ изъ Санкто-Томаса на небольшемъ кораблѣ, куда пріѣхалъ чрезъ двои сутки и за него Гишпанской Генералъ, или Комендантъ подарилъ Датчанамъ двухъ Араповъ. — Въ Порторикѣ служилъ онъ при кухнѣ Генеральской въ черной работѣ, то есть, рубилъ дрова, чистилъ кострюли и котлы, носилъ воду и другія исправлялъ работы около полутора года, то есть, до половины 1783, доволенъ будучи пищею и всемъ. Какъ скоро привезенъ онъ былъ въ Порторико, то его заклеймили въ присутственномъ мѣ-

стѣ на лѣвой рукѣ 1) Святою Марїею, держащею въ правой рукѣ розу, а въ лѣвой тюльпанъ, 2) кораблемъ съ опущеннымъ якоремъ на канатѣ въ воду, 3) сїяющимъ солнцемъ, 4) сѣверною звѣздою, 5) полумѣсяцомъ, 6) четырьмя маленькими сѣверными звѣздами, 7) а на кисти той лѣвой руки осьмиугольникомъ, 8) клеймомъ, означающимъ 1783 годъ, 9) буквами М. Н. то есть, Мишель Николаевъ, или Михайло Николаевъ; отъ сего бываетъ весьма чувствительная боль: ибо такими маленькими желѣзными машинками, съ иглами здѣланными и натертыми порохомъ, когда заклеймятъ, кровь течетъ и сутки трои рука несносно болитъ и смыть или стереть пороху ничемъ неможно. Научась говорить по Гишпански къ неожидаемой радости въ одно вре-

мя былъ онъ вопрошенъ по Гишпански Генеральскою супругою. — *Естьли у тебя отецъ и мать и нѣтъ ли жены?* тогда онъ, ставъ предъ нею на колѣни и проливая слезы, отвѣчалъ ей для приведенія въ жалость: что онъ имѣетъ отца, мать, жену и троихъ маленькихъ дѣтей. Великодушная госпожа, сжалившись на его состояніе, обѣщала ему у своего супруга испросить свободу, что въ скоромъ времени и исполнила. — Ему данъ пашпортъ печатной на Гишпанскомъ языкѣ, въ которомъ онъ именованъ: Московитинъ Мишель Николаевъ, и награжденъ отъ Генерала 10 Песодорами, монетою Гишпанскою, по Россійскому щету тринатцатью рублями. — Съ тѣмъ пашпортомъ нанялся въ Портерикѣ на Италіанскомъ купеческомъ кораблѣ въ Европу плыть въ Геную ма-

тпрозомЪ и на томЪ кораблѢ плылЪ СѢвернымЪ ОкеаномЪ около трехЪ мѢсяцовЪ.

1784 года вЪ ГенварѢ мѢсяцѢ схвачены они были вЪ ОкеанѢ Тунизскими разбойниками, или инако называемыми Мисирскими Турками, живущими вЪ АфрикѢ.— Не могши противиться силою, товары и всѢ осьмнатцать человѢкЪ взяты вЪ полонЪ. — Мисирскїе Турки имѢли тогда войну сЪ Венецїанами и одного изЪ ихЪ матрозовЪ Италїанца тотЪ же часЪ, какЪ овладѢли кораблемЪ, сбросили вЪ море по причинѢ той, что онЪ зналЪ ихЪ языкЪ и говорилЪ имЪ сЪ угрозами. — По раздѢленїи добычи, четырехЪ человѢкЪ принужденно обрѢзали вЪ Магометанскую свою вѢру, вЪ томЪ числѢ и его Баранщикова и заклеймили солнцемЪ на правой рукѢ желѢзною дощечкою сЪ иглами, на-

тертою порохомъ. Онъ достался на часть корабельному Капитану Магомету, и нарекли ему имя *Islamъ*: онъ былъ скованъ, когда достался въ полонъ, болѣе десяти часовъ на Турецкомъ кораблѣ. Изъ Сѣвернаго Океана проѣхали они чрезъ проливъ Гибралтарской, Средиземное море, Архипелагъ или Морею, острова Кандїю и Кипръ въ Азїатическую Турцїю и пристали въ заливѣ Кательскомъ въ Портѣ города Виѳлѣема, продолжая путь съ лишкомъ два мѣсяца. Капитанъ Магометъ имѣлъ свое жилище въ городѣ Виѳлѣемѣ, у котораго служилъ онъ Баранщиковъ съ лишкомъ годъ и восемь мѣсяцовъ, и варилъ кофїй иногда въ день разъ до пятнатцати. — Магометъ имѣлъ четырехъ женъ.

Трудная должность кофишенка заставила о немъ Баран-

щиковЪ изЪ оныхЪ четырехЪ женЪ МагометовыхЪ всякую за его усердную службу и почитаніе имЪ отдаваемое весьма сожалѣть: онЪ, расказывая имЪ свои приключенія, приводилЪ всѣхЪ ихЪ часто вЪ слезы. НаконецЪ сдѣлались онѣ кЪ нему откровенными и жалостливыми ради того, что имѣлЪ жену и троихЪ дѣтей. . . . Вопрошаютъ они его: что то есть Россія? И какЪ живутЪ Россіяне? ОнЪ же, примѣтя ихЪ слабость, сдѣлалЪ смѣшное и по ихЪ названію чудное дѣло: вЪ одинЪ разЪ сварилЪ изЪ сарацынскаго пшена глиненой горшокЪ каши и положилЪ тюленьего жиру; та каша разопрѣла и у него горшокЪ трѣснулЪ; а онЪ вЪ небытность Магомета призвалЪ тѣхЪ его четырехЪ женЪ и сказалЪ: посмотрите Сударыни, какЪ я по

Россійски стану кушать кашу, у насъ коровье масло весьма дешево, не такъ какъ здѣсь я принужденъ ѣсть съ тюленьимъ жиромъ; онѣ удивились тому, а онъ нарочно съѣлъ горшокъ каши и всталъ какъ будто голоденъ: лишь только пришелъ домой Магометъ Паша, то онѣ расказали, что Islamъ твой слуга съѣлъ крупную кашу при насъ съ тюленьимъ жиромъ; Магометъ равно какъ и они удивился, смѣялся, хохоталъ и не повѣривъ своимъ женамъ, сказалъ: что должно брюху треснуть, когда Исламъ столько съѣлъ каши; призовите вы его, я самъ распрошу, правда ли ето. Баранщиковъ призванъ былъ при четырехъ его Господина женахъ и въ своемъ кушаньѣ не заперся. Капитанъ Магометъ, смѣясь, говорилъ ему по Турецки: *Исламъ Баша! Нероды Чокъ Екмель?* т: е:

какъ ты кашу ѣлъ, то треснулъ горшокъ, я думаю что и твое брюхо также треснетъ. Баранщиковъ съ веселымъ видомъ отвѣчалъ ему, я еще два горшка такихъ же съѣмъ; Магометъ сказалъ на то: подлинно Россїяне крѣпки, и какъ я по слуху знаю, въ прошедшую войну сожгли они у насъ въ Чесмѣ флотъ, разбили насъ, всѣхъ нашихъ витязей умертвили на сухомъ пути за рѣкою Дунаемъ и передъ Дунаемъ; мы гдѣ ни посмотримъ, то вездѣ Россїяне, въ горахъ и въ разсѣлилахъ земныхъ, куда ни поворотимся, куда ни пойдемъ, то они вездѣ насъ разбиваютъ, берутъ въ полонъ и отсылаютъ въ свои города; скажи мнѣ пожалуй, отъ чего вы столько сильны. Баранщиковъ, ободрясь случаемъ, вздумалъ изрядную ложь сказавъ ему: наши солдаты, или янычары, презираютъ смерть: у насъ есть трава, растущая

въ болотахъ, и когда янычаръ идетъ на войну, лишь бы только ее отвѣдалъ, то одинъ уже напуститъ на двѣсти вашихъ Турковъ, я самъ такой же, меня ты не подумай удержать; я тебѣ служу годъ и два мѣсяца, а ты Магометъ Паша долженъ, по повелѣнїю великаго Пророка Магомета, чрезъ семь лѣтъ отпустить меня на свободу и дать мнѣ награжденїе, тогда то я куда хочу туда и пойду. Совѣсть Магомета изобличала и онъ въ замѣшательствѣ увѣщевалъ Баранщикова такъ:Ислямъ, намъ съ тобою нечего браниться и ссориться, мнѣ только удивительна кажется твоя каша; я созову гостей и ты пожалуй свари ее и при нихъ покушай. Такая потачка сдѣлала его на нѣкоторое время счастливымъ: онъ каждой день варилъ для себя крутую кашу, и какъ невсякой горшокъ ло-

палЪ, то умудрился онЪ покупать пузыри, и нарочно кричалЪ, что каша поспѢла, и положа пузырь на огонь, производилЪ такой звукЪ, будто бы горшокЪ лопнулЪ; тѢ же четыре женщины Турчанки прибѢгали кЪ нему тогда вЪ кухню, а онЪ разбивЪ горшокЪ чемЪ нибудь, смѢшивЪ ихЪ, такЪ что и КапитанЪ МагометЪ Паша нарочно созывая кЪ себѢ госпей приказывалЪ ему кашу при себѢ съѢдать, а они даривали ему за то по нѢскольку денегЪ.

НаконецЪ вздумалЪ онЪ отЪ Магомета Паши вЪ печали о своемЪ отечествѢ Россїи, Христїанской вѢрѢ, женѢ и малолѢтныхЪ троихЪ дѢтяхЪ, незабвенно вЪ сердцѢ его обращавшихся, бѢжать вЪ Россїю; но какЪ отЪ Магомета Паши ушелЪ онЪ не взявЪ у него ничего и не зная дороги куда итти, то и пойманЪ былЪ на третїй день Турками и при-

веденЪ кЪ нему Магомету Пашѣ, за что больно былЪ битЪ шамшитоваго дерева по пятамЪ палками и немогЪ ходить болѣе мѣсяца, но ползалЪ: при исполненіи надЪ нимЪ сего наказанія просилЪ и кричалЪ онЪ, помилуй батюшка, на Турецкомъ языкѣ; однако не переставали его бить до тѣхЪ порЪ, пока свирѣпость и злоба Магометова не укротилась, который приговаривалЪ притомЪ, я не тебя бью, а твои ноги, онѣ виноваты, что ты бѣжалЪ, ты конечно забылЪ, что ты МузульманЪ и долженЪ жить у меня. КакЪ всякой ГрекЪ подЪ владѣніемЪ Турецкимъ живущій умѣетЪ говорить по Турецки, то и онЪ, какЪ скоро выздоровѣлЪ, не смотря на свои мучительныя побои, пошелЪ на корабельную пристань города Виѳлѣема и увидя на одномЪ кораблѣ Греческій флагЪ, пришедши кЪ хозяину онаго Греку Христо-

фору, расказалъ всѣ свои нещастіи на Турецкомъ языкѣ, незная по Гречески; добродѣтельный Грекъ Христофоръ услышавши, что онъ Россїянинъ и злополучной человѣкъ, принялъ во уваженїе его нещастїе и учинилъ притомъ ему слѣдующее наставленїе: „Такъ ка́къ ты живешъ у богатаго господина, то „отнюдъ ничего изъ дому не бери; „приходи же ко мнѣ на корабль „чрезъ четверы сутки ночью часа „въ два, и какъ будетъ вѣтръ „благополучной, то мы снявшись „съ якоря пойдемъ прямо въ море. За отвозъ же съ него ничего не требовалъ, кромѣ одного услуженїя на кораблѣ въ матрозской должности до Царя-града, а по прїѣздѣ туда, обѣщалъ и въ томъ устоялъ подлинно, что онъ свободенъ остался, наставя его явиться къ Россїйскому Императорскому Министру. По при-

казанїю добродушнаго Грека онъ исполнилъ и пришелъ въ назначенное время на корабль, гдѣ сокрытъ былъ въ тайникѣ близь каюты. Снявшись съ якоря; пошли въ море въ четвертый день благополучно и приѣхали къ городу Яффѣ, лежащему въ томъ же Катальскомъ заливѣ, чтобъ сыскать въ семъ городѣ православныхъ Христїанъ для поклоненїя въ святомъ градѣ Іерусалимѣ гробу Господню; поелику въ Яффу многїе изъ Христїянъ Европейскихъ, то есть, Италїанцы, Португальцы, Французы, Венецїане и другїе приѣзжаютъ; но тутъ не застали они никого и по причинѣ сей должно было простоять имъ въ портѣ города Яффы двѣ недѣли съ лишкомъ. Хозяинъ корабля, Грекъ Христофоръ, рѣшился съ двадцатью человѣками Европейцевъ, по разнымъ случаямъ за своими

нуждами пришедшихъ, а не для богомолїя; итти сухимъ путемъ во святый градъ Іерусалимъ; которой отъ Яффы отстоитъ недалѣе ста пятидесяти верстъ: его Баранщикова взяли съ собою, а такїе Европейскїе Христїане скопляются для безопасности отъ злодѣевъ, или разбойниковъ, въ пути. Во Іерусалимъ пришли они въ третїй день, но къ нещастїю не нашли тамъ почти никого, кто бы въ силахъ былъ заплатить положенную Султаномъ подать, для поклоненїя во святомъ храмѣ гробу Господа Іисуса Христа; ибо Султанская стража гробъ и храмъ Господень стрегущая за малую плату собравшихся нѣсколькихъ Христїянъ не допустила никакъ къ поклоненїю гробу Христову.

Городъ Іерусалимъ стоитъ въ полуденной полосѣ на пещаной и каменистой землѣ; боль-

шею частїю строенїе въ немъ деревянное, тутъ есть развалины старинной крѣпости изъ дикаго камня достойныя удивленїя по величинѣ своей. Но какъ онъ Баранщиковъ не имѣя понятїя о строенїи крѣпостей и бывъ только трои сутки во Іерусалимѣ, не можетъ дать яснаго понятїя, кромѣ какъ о строенїи обитателей Іерусалимскихъ, то объявляетъ, что сей городъ неболѣе имѣетъ въ окружности обывательскихъ домовъ, какъ версты на четыре. Между тѣмъ спросилъ онъ на Турецкомъ языкѣ добродушнаго Грека Христофора: *Жанымъ Баба? Не боюкъ Бу Джеми*, то есть, *какая ето церьковь великолѣпная, батюшка?* на что оный отвѣчалъ ему: сїя церьковь именуется *Святая Святыхъ*; потомъ онъ сказалъ ему: пойдемъ же въ нее и помолимся, на сїе отвѣчалъ Христофоръ Грекъ: насъ

въ нее не пустятъ, гдѣ молятся только Турки и самъ здѣшній Іерусалимскій Паша всякую недѣлю по пятницамъ, по ихъ названію Джемиду, съ великимъ благоговѣніемъ. Близь той церкви есть ворота изъ дикаго камня состроенныя, въ которые Господь Христосъ въѣзжалъ на ослятѣ, и о той же церьквѣ сказывалъ ему Грекъ Христофоръ, что оная стоитъ на полдень олтаремъ. Съ Христофоромъ ходилъ онъ въ Іерусалимѣ во всѣ три дни въ разныя церкви и молился, и какъ нѣкогда спросилъ онъ его объ одной церкви, какъ ей наименованіе, ибо она великолѣпна и красива, а съ наружи стѣны у ней расписаны Греческою работою образами, то онъ сказалъ ему: сей церьки именованїе, *Вазаръ Дюнъ*, или Воскресеніе Христово. Баранщиковъ изъ любопытства той церкви Воскре-

сенія Христова обошелъ одну стѣну и намѣрялъ двѣсти двапцать шаговъ а въ кругъ ее онъ думаетъ болѣе семи сотъ шаговъ. Полагаяжъ въ каждую Россійскую сажень по обыкновенному исчисленію три шага, то сія церьковь Воскресенія Христова будетъ въ окружности съ лишкомъ въ двѣсти тридцать саженъ. Въ сей церквѣ находится Гробъ Господень.

Хозяинъ его Христофоръ, сожалѣя и соболѣзнуя о немъ, такъ какъ отецъ о своемъ сынѣ, что онъ не волею обрѣзанъ, бывши полоненъ Турками на кораблѣ, въ магометанскую вѣру, привелъ его къ Греческимъ священникамъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ въ часовню, стоящую недалеко отъ церькви Воскресенія Христова, которые, по исповѣданіи имъ всего съ нимъ случившагося, приказали сторожу заклеймить на правой его рукѣ

образомъ распятія Господня на доскѣ желѣзной съ иглами, натертой порохомъ: отъ сего удара доски желѣзной, или клейма, весьма чувствительно потекла изъ руки у него кровь; послѣ того сторожъ отнялъ сію желѣзную доску минуты чрезъ двѣ, а сутки трои чувствовалъ онъ чрезвычайную боль отъ сего заклейменія. Священники оные протолковали или объявили ему потомъ въ наставленіе, что онъ уже съ того время свободенъ отъ Магометанской вѣры, и когда заклейменую свою руку покажетъ лишь Туркамъ и другимъ Магометанамъ, то они будутъ его презирать и гнушаться, а особливо естьли къ чему онъ прикоснется или возьметъ что, то оную вещь должны они по закону Магометову продать или бросить, а не имѣть въ своемъ домѣ.

Еще видѣлъ онъ тамъ церьковь

безъ верху Св. Архистратига Михаила, и Грекъ его хозяинъ сказывалъ, что она давно уже въ запустѣнїи, и что тамъ былъ прежде монастырь, но Турками уничтоженъ и монахи изъ сего монастыря разогнаны или побиты.

Изъ святаго града Іерусалима съ великимъ прискорбїемъ, что не удостоился лобызать гробъ Господень, возвратился онъ съ помянутымъ своимъ хозяиномъ въ Яффу чрезъ трои сутки. Изъ Порта сего города пошли водами Кипрскими и Кандїйскими, а въ правой сторонѣ оставался у нихъ островъ Корфу и заливъ Тарентскїй, откуда пустились въ Адрїатическое море, или заливъ Венецїянской и наконецъ приплыли въ Венецїю чрезъ двацать пять дней для торгу. — Тамъ надлежало имъ запастись припасами, гдѣ и простояли они въ Портѣ Венецїанскомъ недѣли

сЪ четыре: строгость и наблюденіе должнаго порядка вЪ Венеціи о каждомЪ прїѢзжающемЪ, заставили и его Баранщикова отвѢчать: откуда онЪ родомЪ? и по какому случаю находится на кораблѢ Греческаго купца? По сему вопросу долженЪ онЪ былЪ всѢ свои приключившїяся нещастїи объяснить Венецїанскому правленїю и показать печатной пашпортЪ, данной ему отЪ Испанскаго Генерала и Коменданта вЪ островѢ ПорторикѢ; и какЪ онЪ на ИталїанскомЪ кораблѢ взятЪ сЪ протчими вЪ полонЪ Турками, обрѢзанЪ на кораблѢ вЪ Магометанскую вѢру, увезенЪ вЪ ВиѳлѢемЪ, былЪ невольникомЪ у Турка Магомета, заклейменЪ на правой рукѢ солнцемЪ, и что добродушный ГрекЪ ХристофорЪ увезЪ его тайно изЪ ВиѳлѢема города на своемЪ кораблѢ, и пашпортЪ Испан-

ской хранилъ онъ Баранщиковъ при себѣ, не объявляя никому, то Венецїанское правленїе по сему неложному доказательству соблаговолило дать ему свой печатной пашпортъ съ изображенїемъ наономъ почивающего въ Венецїи Святаго Апостола и Евангелиста Марка. Тамъ многїе благопрїятствовали ему и удивлялись страннымъ случаямъ, съ нимъ послѣдовавшимъ; онъ же, имѣя два пашпорта Венецїанской и Испанской, могъ бы отъ хозяина своего удобно и отстать; но какъ условїе, чтобъ плыть ему до Царя-града матрозомъ, такъ и опасность, которой подвергалъ онъ жизнь свою за него, препятствовали ему не устоять въ данномъ имъ словѣ; ибо когда бы онъ съ нимъ пойманъ былъ, то оба они не избѣгли бы смертной казни. Оставивъ Венецїю, отплыли они обратно

въ Азїю, сперва приставши въ Европѣ къ Фрїульскимъ берегамъ у города Трїеста, а изъ Трїеста чрезъ недѣлю отправясь въ Микулу, гдѣ находился Россїйскїй Консулъ изъ Славонцевъ г: Контжуанъ, къ коему онъ Баранщиковъ ходилъ и разсказалъ свои нещастїи, и что нынѣ на кораблѣ Греческаго купца ѣдетъ въ Константинополь, прося его Контжуана о покровительствѣ, на что оный сказалъ ему: я скоро поѣду въ Царь-градъ и тебѣ радъ сдѣлать всякую помощь, только ты явись тамъ къ Россїйскому Императорскому Министру, Якову Ивановичу Булгакову. — Ободренъ будучи симъ случаемъ, пришелъ онъ на корабль, радуясь, что можетъ скоро увидѣть свое отечество. Изъ Микулы отправились они чрезъ восемь дней въ Жмирну, или по Европейскому выговору, Смирну, городъ лежащїй

въ Азїи подъ 45 степенью долготы и 36 степенью полуденной широты, которой ему такъ понравился, что онъ расхвалить его довольно не можетъ. Продавая помянутый Грекъ Христофоръ сарацынское пшено, Мисирскїе сабли и кинжалы, стоялъ въ Смирнѣ двѣ недѣли. Смирна имѣетъ все деревянное строенїе прекрасное и тутъ отправляется великой торгъ и отъ всѣхъ Европейскихъ Дворовъ въ ономъ живутъ повѣренные въ дѣлахъ, или Консулы, какъ то: Россїйской, Испанской, Италїанской, Аглинской, Французской и протчїе: да и самые лучшїе домы на пристанѣ корабельной ихъ Консуловъ. Изъ Смирны чрезъ Морею приплыли въ Дарданеллы, а изъ Дарданеллъ въ Бѣлое, или Мраморное море и пристали въ Портъ Константинополя, имѣвъ плаванїе изъ

Смирны до Царя-града неболѣе трехъ недѣль и незаходивъ ни къ какому Порту или городу.

Грекъ Христофоръ по прибытїи въ Константинополь тотъ же день отпустилъ его Баранщикова съ своего корабля, поблагодаря за службу, но ничего въ награду даже ни одной копейки недавъ. На другой день пошелъ онъ въ Перу, или по Турецки называемую улицу *Галата Юкарда*, стоящую на горѣ, гдѣ обитаютъ всѣ Европейскїе Министры; прибывъ туда и нашедши домъ Россїйскаго Императорскаго Министра, Его Превосходительства Якова Ивановича Булгакова, не могъ къ нему явиться для того, что онъ въ то время не жилъ въ самомъ Царѣ-градѣ, по причинѣ случившейся моровой язвы, а имѣлъ свое пребыванїе на мызѣ *Буюхтуръ* называемой, разстоянїемъ верстъ на тритцать

отъ Константинополя близъ Чернаго моря, въ коей и всѣ Европейскїе Министры живутъ, убѣгая мороваго повѣтрїя, куда уже никого не пропускаютъ. — Тогда Баранщиковъ въ домѣ Его Превосходительства предсталъ домоправителю и изяснилъ ему всѣ обстоятельства, что онъ принужденно обрѣзанъ по Магометанскому закону и добродушнымъ Грекомъ Христофоромъ тайно увезенъ изъ Виѳлѣема на кораблѣ; но сей г. домоправитель не подвигнулся примѣромъ того Грека, а приказалъ, чтобъ онъ никогда въ домъ Императорскаго Министра неходилъ, претя его отдачею, буди придетъ, подъ Турецкую стражу, сказавъ ему при томъ съ негодованїемъ: какъ бы то нибыло, что ты Магометанской законъ самовольно или принужденно принялъ, нужды нѣтъ

вступаться Его Превосходительству: много васъ такихъ бродягъ и вы всѣ сказываете, что нуждою отурчали. Баранщиковъ въ доказательство своей невинности хотя и сказывалъ ему, что онъ имѣетъ два пашпорта, перьвой изъ острова Порторико Испанской, а другой отъ Венецїанскаго правленїя, но онъ ничего не уважалъ, а только повторялъ своими угрозами, что если станетъ онъ докучать, то непремѣнно отдастъ его подъ Турецкую стражу.

Чаявшїй, но неполучившїй защиты и обремененный крайнею бѣдностїю, пошелъ онъ въ унынїи и слезахъ, не находя инаго способа, какъ только итти въ часть города Константинополя, которая отъ вливающаго воды свои Чернаго моря, или пролива и соединяющагося съ Бѣлымъ моремъ, обнесена каменною стѣною, составляющею великую

окружность, гдѣ всѣ Европейцы, Азїятцы и другїе народы имѣютъ свое жилище, какъ то: Россїяне, Нѣмцы, Французы, Венецїане, Армяне, Агличане, Греки, Жиды, Болгары, Сербы, Арнауты и протчїе, и сыскавъ тамъ для себя работу на корабельной присшанѣ, былъ у оной болѣе мѣсяца и имѣлъ отъ нее свое пропитанїе, получая иногда въ день по два левка, т: е: по рублю по двадцати копѣекъ; пища же ему стоила каждые сутки по дороговизнѣ харча въ Константинополѣ, какъ умѣренно онъ ни жилъ, съ лишкомъ одинъ левокъ на хлѣбъ, мясо, или рыбу, а на обувь и одежду очень мало оставалось по тому, что въ пятницу запрещено отъ Турковъ работать, а въ Воскресенїе по Греческому закону не работаютъ; туфли же, или коты, по Турецкому названїю Емени, сто-

ятъ тутъ дорого и ихъ не льзя проносить болѣе трехъ недѣль. Въ одно время пошелъ онъ на россійской гостиной дворъ, гдѣ болѣе ста лавокъ построено деревянныхъ и гдѣ продаютъ юфть, масло коровье, мѣдь, мыло, желѣзо и протчее, въ чаяніи не найдетъ ли себѣ какого избавленія, чтобъ уѣхать на кораблѣ въ Россію, о чемъ и разговаривалъ съ купцами россійскими по нѣкоторымъ временамъ ходя въ Греческомъ платьѣ и изъявляя имъ нещастныя свои приключенія; но всякъ изъ нихъ сомнѣвался, чтобъ онъ могъ безъ подверженія себя великой опасности уѣхать, по той найпаче причинѣ, что былъ многимъ Туркамъ знакомъ. Въ такихъ колебаніяхъ для него непріятныхъ препроводилъ онъ житье свое болѣе полутора мѣсяца въ Константинополѣ; по

томЪ нечаянно увидѢлЪ онЪ двухЪ человѢкЪ на ГалатѢ близь гостинаго россійскаго двора вЪ Турецкомъ платье, которые говорили по руски весьма изрядно: онЪ подошедЪ кЪ нимЪ, будучи одѢтЪ вЪ бѢдномЪ ГреческомЪ платьѢ приличномЪ матрозу, сказалЪ имЪ: здравствуйте господа? НикакЪ вы были Рускіе? Они ему на то отвѢчали, ты угадалЪ; скажи намЪ о себѢ: кой городЪ? Я Нижегородской мѢщанинЪ, отвѢтствовалЪ онЪ и родиной изЪ самаго Нижняго города: поетому и мы братЪ тебѢ земляки, продолжали они, мы бывали вЪ АрзамасѢ сапожниками, сюда же какЪ зашли, того спрашивать тебѢ не для чего. ОдинЪ изЪ нихЪ открылЪ свое имя, сказавЪ: меня зовутЪ ГусманЪ, пойдемЪ ко мнѢ вЪ гости, я имѢю домЪ, жену и живу хорошо, да и тебѢ сдѢлаю можетЪ

быть щастїе. Такому случаю Баранщиковъ весьма былъ радъ, надѣясь получить отъ своего земляка какую ни есть помощь. Пришедши къ нему Гусману въ домъ, отстоявшїй болѣе полуверсты отъ Галаты въ улицѣ, называемой Топаны, увидѣлъ, что онъ имѣетъ трехъ женъ; Гусманъ произносилъ на Христїанской законъ хулу, увѣщевалъ его быть Магометаниномъ и забыть свое отечество Россїю. Изъ простодушїя Баранщиковъ открылся, говоря съ нимъ по руски, что онъ давно уже принялъ Магометанской законъ по неволѣ, плывя изъ Америки на Италїанскомъ кораблѣ, и что взятъ былъ въ полонъ Мисирскими Турками, отвезенъ въ Виѳлѣемъ и на Турецкомъ кораблѣ. заклейменъ на правой рукѣ солнцемъ, знаетъ Магометовы молитвы и бывалъ въ

Виөлѣемѣ въ мечетяхъ Турецкихъ, исполняя предписанное закономъ Магометанскимъ принужденно. Мы давно тебя видали, сказалъ ему Гусманъ, на гостиномъ дворѣ у купцовъ Россійскихъ и слышали, что ты Мусульманъ. Пожалуй раскажи намъ продолжалъ онъ, какъ ты уѣхалъ изъ Виөлѣема; намъ такіе люди надобны, и насъ рускихъ очень мало осталось отъ мору въ Царѣ-градѣ. Баранщиковъ зная, что естьли будетъ противорѣчить, то едва ли избѣжитъ бѣды, отозвался ему такъ: я служилъ у Магомета Паши, а отъ него бѣжалъ и уѣхалъ на Греческомъ кораблѣ въ Константинополь.

Вдругъ сей бывшій Россіянинъ Гусманъ пришелъ въ смятеніе и сталъ говорить съ нимъ по Турецки при трехъ своихъ женахъ: Для чегожъ ты, будучи въ

Магометовомъ законѣ, носишъ одежду Греческую? Ты знаешъ ли, что за сіе смерть опредѣлена? Islamъ Баранщиковъ палъ ему въ ноги и просилъ помилованія изъяснивъ, что онъ по неимуществу и бѣдности своей не имѣетъ за что купить Турецкаго платья. Сей извергъ Гусманъ тотчасъ оставилъ его подъ присмотромъ своихъ домашнихъ, а ему грознымъ голосомъ сказалъ; я въ сію минуту приведу Имана, то есть попа.

Иманъ пришелъ неукоснительно съ Гусманомъ, распросилъ порядокъ дѣла и всѣ случаи; напослѣдокъ рѣшился и сказалъ: Ты Гусманъ дай мнѣ двадцать левковъ, а я дѣло сдѣлаю. Гусманъ подарилъ ему тѣ деньги. Тогда Иманъ написалъ такую записку: „Что Россіянинъ „Василей, пришедъ въ Стамбулъ, „т: е: Царь-градъ, добровольно

„принялЪ МагометовЪ законЪ, „наученЪ молитвамЪ и нареченЪ „именемЪ Исляма.„ ПослѢ чего надѢли на него Турецкую чалму.

ОтступникЪ вѢры Христїанской ГусманЪ обще сЪ ИманомЪ смѢтили свою прибыль, и по данной запискѢ вЪ руки Гусману, научили его Баранщикова, чтобЪ онЪ ничего по Турецки не говорилЪ и отзывался незнанїемЪ языка, а только что вЪ четыре дни наученЪ читать ИманомЪ *АбрагимЪ Бабою*, т: е: священникомЪ ИбрагимомЪ одной Магометова закона молитвѢ.

Со лживою отЪ Имана Ибрагома запискою, чтобЪ 20 левковЪ, ГусманомЪ ему подаренныхЪ, возвратить сЪ прибылью, повелЪ онЪ ГусманЪ его Баранщикова кЪ великому Визирю, который повелѢлЪ именемЪ своего Государя выдать вЪ награжденїе ему сто левковЪ за принятїе Маго-

метанской вѣры (каждой левокъ по 60 копѣекъ), опредѣлить его въ янычары и производить жалованья на каждые сутки по 15 паръ или Россїйскихъ 22½ копѣйки. Послѣ того ходили они съ Гусманомъ къ разнымъ господамъ и къ купцамъ Турецкимъ. Гусманъ приводилъ каждаго въ удивленїе расказами на Турецкомъ языкѣ; его же Баранщикова заставлялъ читать съ великимъ воздыханїемъ такъ называемыя правовѣрныя Магометовы молитвы; такимъ притворствомъ святости и посредствомъ хожденїя въ мечети Константинопольскїя насбирали они чрезъ одну недѣлю, по Турецкому названїю *Биръ Афта* съ пожалованными стами левками изъ казны Султанской 400 левковъ, а на щетъ россїйскихъ 240 рублей; обѣе же по закону Турецкому одной недѣли новопрїявшему ма-

гометову вѣру ходить и просить непозволено.

Гусманъ, стращая Баранщикова доносомъ, что онъ имѣетъ на рукѣ распятїе Христово, говорилъ ему: Бѣднякъ ты Ислямъ, ежели я донесу только о томъ, то тебѣ неотмѣнно будетъ смертная казнь; онъ же не зная судебныхъ обрядовъ Оттоманской Порты, согласился отдать изъ собранныхъ денегъ 200 левковъ, или 120 рублей, чемъ Гусманъ, удовлетворя нѣсколько своей жадности, припомнилъ ему и то, что онъ за одну записку подарилъ Иману 20 левковъ, и что безъ того конечно бы онъ пропалъ. Довольно съ тебя, сказалъ ему, такой же половины; ты видишъ, сколько было моихъ трудовъ водить тебя по Царю-граду, просить и умолять каждаго къ поданїю тебѣ милостыни; теперь живи и служи

Султанскому Величеству вѣрно и честно. По раздѣленіи же денегъ свелъ его въ казармы къ холостымъ янычарамъ и отдалъ въ команду чиновнику по ихъ названію Югъ Башѣ. Коварство и сребролюбїю Гусманово вложило ему въ голову сожалѣніе о Баранщиковѣ и жаланіе, чтобъ онъ былъ женатъ на Турчанкѣ, дабы чрезъ то присоединить своего земляка къ себѣ въ родство: онъ улещалъ его такъ: женись братъ на моей свояченицѣ, она дѣвка добрая, а деньги у тебя есть, отецъ у нее и домъ хорошъ, тебѣ жить въ казармахъ янычарскихъ весьма трудно, ни обшить ни обмыть тебя нѣкому будетъ. Баранщиковъ согласился на всѣ сїи предложенїи Гусмановы, видя себя въ неминуемой бѣдѣ, и жилъ въ казармѣ янычарской только недѣлю; тутъ кормятъ Султан-

скою пищею одинъ разъ въ день и даютъ бѣлой хлѣбъ съ вареною изъ сарацынскаго пшена кашею, въ которой довольно мяса, такъ же табакъ, сколько кто хочетъ; а ѣдятъ десять человѣкъ вмѣсти, и при каждомъ десяткѣ опредѣленъ Іокъ Баша, или десятникъ, чтобъ не было никому обиды въ пищѣ, и тутъ всякъ получаетъ и постелю, а больше ничего. Въ янычарскую казарму всякой пришедшїй Турокъ можетъ получать пищу, коей остается предовольно и янычары изъ добродушїя кормятъ постороннихъ. Впрочемъ ни одинъ янычаръ не варитъ самъ сей каши и непечетъ хлѣбовъ, но особливые приставники.

Гусманъ не упустилъ случая чрезъ недѣлю сосватать за него невѣсту, одной жены своей сестру, именемъ *Айшедуду*, кото-

рой отъ роду было лѣтъ 18 и у которой были выкрашены ногти красною краскою по примѣру всѣхъ молодыхъ Турчанокъ, кои имѣютъ всегда лицо покрытое а только лишь наружѣ у нихъ одни глаза, и ему не льзя было видѣть своей невѣсты до самаго брачнаго сочетанїя, какова она лицемъ. Гусманъ, что бы принудить Баранщикова жениться, выдумалъ хитрое средство, настроивъ того же Имана Ибрагима, которой далъ лживую записку о принятїи имъ добровольно вѣры Магометовой, и приведши его съ собою въ янычарскую казарму, увѣщевалъ его Баранщикова, чтобъ онъ жилъ, какъ музульманъ (правовѣрный): Ты уже янычаръ, сказалъ онъ, и въ Магометовой вѣрѣ; непростительно же по закону его быть не женатому, и для того непремѣнно женись. У *Айшеду-*

ды былЪ отецЪ старикЪ, именемЪ *МагометЪ*, и онЪ принятЪ вЪ домЪ тестевЪ, стоящїй вЪ ЦарѢ-градѢ близь Топаны улицы; свадьба же совершена по ихЪ обрядамЪ вЪ мечетѢ, при чемЪ положено условїе: что когда онЪ оставитЪ свою жену, буде она нелюба ему покажется, то долженЪ заплатить ей 50 левковЪ, то есть 30 рублей пени; ибо тамЪ всякой мужЪ имѢетЪ право свою жену бросить, или отослать отЪ себя, заплативЪ по договору деньги; напротивЪ того мужЪ ничего приданаго за женою требовать не долженЪ. Европейскїя законы сему противны. Сїи договоры Иманами пишутся по состоянїю людей вЪ 500, тысячу и болѢе левковЪ. СЪ *Айшедудою* Турчанкою жилЪ онЪ болѢе осьми мѢсяцовЪ подЪ строгимЪ присмотромЪ тестя и жены своей, твердЪ ли вЪ

вѢрѢ Магометанской, и однажды едва избавился отъ наказанія за неумовеніе и нечтеніе молитвъ, по доносу Иману (Попу) отъ жены *Айшедуды* и Магомета, своего тестя.

Изъ денегъ своихъ долженъ онъ былъ давать женѢ и тестю на пропитаніе въ каждыя сутки по 20 паръ, т: е: 30 копѢекъ, имѢя по ихъ обычаю кофій, табакъ и всякіе плоды, мясо баранье и говяжье, сарацынское пшено и хлѢбъ печеной белой; плоды же въ ЦарѢ-градѢ, кофій и табакъ очень дешевы. Гусманъ его пріятель нерѢдко посѢщалъ его въ домѢ и училъ, какъ жить по Турецкому обыкновенію и не раздражать никогда и ни чемъ тестя и жены; покупать же харчевое началъ было самъ Баранщиковъ, не зная обыкновенія, отъ чего произошло на него негодованіе; но Гусманъ

отвратилЪ оное, сказавЪ Исляму: ты давай деньги тестю и женѢ, то они довольны будутЪ, покупая сами нужное для себя и тебя. СвирѢпая *Айшедуда* всегда подозрѢвала его вЪ вѢрѢ Музульманской; тесть же старикЪ, отецЪ ея МагометЪ, временемЪ постороннимЪ людямЪ хвалилЪ почтенїе, отдаваемое ему всякой день зятемЪ его ИсламомЪ (БаранщиковымЪ).

Служба янычарЪ состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ ходить имЪ на стражу во дворецЪ Султанской, и онЪ хаживалЪ и стаивалЪ на часахЪ у воротЪ сЪ протчими янычарами по недѢльно, имѢя у себя изрядное платье, купленное изЪ собранныхЪ денегЪ 200 левковЪ, два пистолета и кинжалЪ; всѢ янычары не имѢютЪ вЪ СтанбулѢ другаго вооруженїя. ОнЪ служа янычаромЪ болѢе десяти мѢсяцовЪ, не былЪ

ни ружьемъ, ни на саблѣ, ниже стрѣлять изъ пистолетовъ обучаемъ. Однажды во время своея стражи видѣлъ въ части дворца, или сераля, выставленную на показаніе народу въ 1784 года одного преступника голову на серебреномъ блюдѣ, украшенную разными цвѣтами и листьями; ему сказывали, что та голова Натолійскаго Паши и привезена въ Станбулъ изъ Анатоліи, набитая разными ароматами, и что должно оной простоять на томъ мѣстѣ цѣлую недѣлю, дабы ее народъ весь видѣлъ: тутъ прибитъ былъ на столбѣ каменномъ указъ Султанской, изъясняющій преступленіе его, и стеченіе народа къ сей головѣ приводило его Баранщикова въ крайнее удивленіе и содраганіе.

Служа янычаромъ и ходя на стражу во дворецъ, нерѣдко онъ видалъ, а особливо по пят-

ницамъ самаго Султана и великолѣпные его выѣзды верхомъ на конѣ въ соборную мечеть, именуемую по Турецки *Ая Софья*, которая была прежде Христїанская Греческая церковь и именовалась *Софїя*, или премудрость Божїя. Великолѣпїе Султана и окружающихъ его особу 120 чиновниковъ, блистающихъ драгоцѣнными каменьями и золотомъ, не можетъ онъ совершенно пересказать, а только удивляясь по простодушїю своему, говоритъ, что неоцѣненное сокровище на всѣхъ ихъ сїяетъ. Мечеть *Ая Софїя* отъ дворца не болѣе 150 саженей. Шествїе Султана продолжается съ великою тишиною болѣе часа до оной мечети, гдѣ молится онъ не болѣе получаса, а иногда и меньше.

Однажды посланъ былъ Баранщиковъ съ другими янычаращ-

рами въ Дарданеллы для затопленія двухъ военныхъ кораблей, кои, нагрузя каменьями, затопили нарочно, что бы пресѣчь путь иностраннымъ кораблямъ, незнающимъ и небравшимъ Турецкаго лоцмана.

Въ Константинополѣ весьма строга управа благочинія, или полиція, сколько ему замѣтить случилось; ибо онъ увидя, что у одного хлѣбника на правой рукѣ нѣтъ трехъ пальцовъ, спросилъ его: какая бы тому причина? отъ чего онъ и какою болѣзнію оныхъ лишился; хлѣбникъ сказалъ ему на то: конечно ты иностранецъ и живешъ недавно въ Стамбулѣ, хотя ты и янычаръ: у меня три пальца отрѣзаны, продолжалъ онъ, въ разныя времена за то, что Турецкіе законы повелѣваютъ такъ: ежели нѣтъ противъ положеннаго вѣсу хотя въ одномъ хлѣбѣ 10

драхмЪ, то лишатЪ одного пальца посланные для наблюденія приставы, сЪ коими ходитЪ и палачь, который отрѢзываетЪ пальцы безЪ всякаго судебнаго приговора, говоря, что руки и пальцы виноваты; за 3 же 4. 5. 7. 8 и 9. драхмЪ (*) наказываютЪ по пятамЪ палками; все сіе противное человѢчеству приводило его Баранщикова вЪ содроганіе; онЪ напослѢдокЪ и самЪ видалЪ, что такіе чиновники вЪ разныхЪ частяхЪ города Константинополя ходятЪ и подсылаютЪ потаенныхЪ людей покупать или хлѢба, или мяса, или кофія, или чего нибудь другаго и лишь бы продавецЪ кого ни-

---

(*) 400 драхмЪ составляютЪ одно око, а око ТурецкихЪ 3 фунта; РоссійскихЪ же 4 фунта и 16 золотниковЪ, итакЪ одна драхма 3 сЪ небольшимЪ золотника РоссійскихЪ.

будь обвѣсилъ десятью драхмами, то пришедши сїи чиновники и изобличивъ его въ томъ совершенно велятъ палачу отрѣзывать палецъ, а буде меньше, то бьютъ по пятамъ палками. Въ Константинополѣ ничего изъ съѣстныхъ припасовъ безъ вѣсу не продается, на примѣръ: хлѣбъ въ зернахъ, пшено сарацынское, мясо, масло коровье, виноградъ и другїе плоды, даже и дрова на варенїе пищи продаются вѣсомъ, тамъ не знаютъ ни хлѣбнымъ, ни другимъ жидкимъ тѣламъ мѣры, кромѣ вѣсу.

Любезное отечество Россїя, вѣра Христїянская, внутренное и наружное самого себя чувствованїе, воспоминовенїе жены и троихъ сирыхъ дѣтей въ Нижнемъ Новѣ-городѣ, къ тому еще и то, что принужденно онъ долженъ былъ исполнять Магометовъ законъ подъ стро-

гимъ присмотромъ и наказанї-емъ ежечастно приближающимся, также и образъ жизни и нравовъ Россїйскихъ, несходныхъ съ Турецкими, повергнули его наконецъ Баранщикова въ крайнюю печаль и смущенїе. Благочестїе Христїанское твердило въ совѣсти его раскаянїе, что онъ впалъ по нещастнымъ своимъ приключенїямъ въ Магометанскую вѣру. Въ мечетяхъ ихъ нѣтъ никакого изображенїя, чтобъ приводить на память благость Божїю и удивляться, но только повѣшены по обѣимъ сторонамъ небольшїя хрустальныя лампады, въ коихъ горитъ масло, что бы всякому, пришедшему молиться, видно было: пришедъ въ мечеть, всякой долженъ пасть на колѣни; онъ же, какъ былъ янычаръ, то нерѣдко хаживалъ въ сїю соборную *Ая Софїя* мечеть для отвращенїя отъ

себя МузульмановЪ подозрѣнія.

ВЪ отдѣленномЪ отЪ Константинополя городѣ Галатѣ увидѣлЪ онЪ БаранщиковЪ нечаянно пріѣхавшаго изЪ Санктпетербурга курьера, котораго онЪ упросилЪ, расказавЪ ему всѣ свои нещастія, обЪявить ему почтовую дорогу, чрезЪ какія города Оттоманской порты они ѣздятЪ. КурьерЪ тотЪ, сожалѣя о немЪ, расказалЪ всю дорогу до самой Россійской границы, и какЪ ему вЪ пути должно поступать, или обходиться сЪ разными жителями, какЪ то Турками, Греками, Молдованами, и протчими.

Приближалось время быть Магометанскому великому посту, по Турецкому названію *Рамазану*, которой продолжается чрезЪ весь Іюль мѣсяцЪ. Приходскій ИманЪ (ПопЪ) говорилЪ ему тогда: „Ты скоро пойдешЪ на смотрЪ „кЪ великому Визирю и полу-

,,чишЪ за двѢ трети жалованья ,,60 левковЪ, то тебѢ должно ,,будетЪ взять еще другую же-,,ну, а недовольно имѢть одной ,,*Айшедуды*; не такЪ жить, какЪ ,,живутЪ твои Гяуры (*т: е: Хри-,,стіане, или неправовѢрные*) имѢя ,,по одной женѢ; ты можешЪ ,,содержать изЪ своего жало-,,ванья и двухЪ женЪ; ГусманЪ ,,твой пріятель научилЪ тебя ,,шить Турецкія сапоги, я про ,,то знаю, и ты сверьхЪ жало-,,ванья получить очень немало, ,,по крайней мѢрѢ левка два вЪ ,,сутки, только не лѢнись ра-,,ботать, твое шитье сапоговЪ ,,многія похваляютЪ, что шьешЪ ,,ты крѢпко; женясь же на двухЪ, ,,будешЪ совершенный музуль-,,манЪ и подозрѢніе на тебя вЪ ,,вѢрѢ истребится вовсе; я под-,,тверждаю тебѢ духовною моею ,,властію весьма строго сіе не-,,премѢнно исполнить.,,

ПовелѣнїемЪ Имана умножилось болѣе вЪ немЪ Баранщиковѣ презрѣнїе кЪ Магометанской вѣрѣ, и онЪ положилЪ твердое намѣренїе избѣгнуть всѣхЪ ея суетЪ: онЪ дѣйствительно шилЪ сапоги, научившись у Гусмана, и продавалЪ по 5 и по 6 левковЪ, отЪ чего получалЪ изрядной доходЪ, такЪ что вЪ однѣ сутки приходило ему за работу болѣе левка, т: е: 60 копѣекЪ; почему можно бы ему продолжать тамЪ свою жизнь безЪ бѣдности и содержать двухЪ и трехЪ женЪ по примѣру Гусмана; но всемогущїй ТворецЪ устроилЪ жизнь его инако.

ОнЪ сохранялЪ два печатные пашпорта, данные ему вЪ Америкѣ и вЪ Венецїи. ВЪ перьвой разЪ оные пашпорты безЪ него найдены были женою *Айшедудою* и осмотрены тестемЪ *МагометомЪ*, и когда онЪ пришелЪ до-

мой, то спрашивали его *Айшедуда* и магометъ отецъ ея: что за бумаги, связанныя въ двухъ дощечкахъ? пожалуй скажи Islamъ Баша? Онъ не зналъ, какъ изъ сего вывернуться, и будто хотѣлъ утаить то, бывши самъ въ страхѣ: почтенїе къ старику Магомету, имъ отдаваемое, избавляло его Баранщикова отъ всякаго подозрѣнїя; онъ молчалъ, а они на сїе говорили ему: *что ты отъ насъ таишь, это ваши рускїя деньги.* Ободрясь Айшедуды и Магомета мыслїю, говорилъ онъ имъ усмѣхнувшись: здѣсь не у кого размѣнять ихъ, ибо Россїйскїе купцы на гостиномъ дворѣ не берутъ. Магометъ старикъ совѣтовалъ ему, чтобъ онъ постарался размѣнять оныя у Россїйскихъ курьеровъ, кои часто въ Стамбулъ прiѣзжаютъ и скоро назадъ отправляются.

Пришло то время, что дол-

жно было предстать ему Баранщикову на смотрЪ вЪ янычарскомЪ самомЪ лучшемЪ уборѢ кЪ великому Визирю и получить жалованье: тесть прибралЪ его тогда весьма чисто и далЪ ему богатой свой шелковой кушакЪ, или поясЪ, золотомЪ перетканной, кинжалЪ, оправленной жемчугомЪ, красными и зелеными яхонтами и два пистолета сЪ золотою насѢчкою; когда же онЪ взялЪ сЪ собою и тѢ два пашпорта Испанской и Венецїанской, то жена его Айшедуда увидя то спросила его: на что онЪ беретЪ тѢ бумаги? ОнЪ же ей сказалЪ: я видѢлся вчера сЪ РоссїйскимЪ курьеромЪ, который хотѢлЪ мнѢ за нихЪ дать 200 левковЪ, которые ежели я получу, то подарю изЪ нихЪ тебѢ половину; она тотЪ часЪ пала на колѢни и молилась сЪ великимЪ усердїемЪ, что бы БогЪ

далЪ получить сiи деньги. Разставшись съ женою своею такимЪ образомЪ представленЪ онЪ былЪ кЪ великому Визирю, предЪ которымЪ и другими начальниками долженЪ читать былЪ разныя Магометанскаго закона молитвы и за твердое знанiе оныхЪ получилЪ похвалу и выдачу жалованья 60 левковЪ (39 рублей).

ПолучивЪ оныя деньги, зашелЪ кЪ знакомому Греку, именемЪ Спиридону, живщему на ГалатѢ, которому давно уже открылЪ свое намѢренiе, чтобЪ оставить Царь-градЪ, гнушаясь болѢе всего вѢрою Магометанскою, и пойти вЪ отечество свое россiю, презирая всѢ мученiя, даже и самую смерть, естьли случится, что поиманЪ будетЪ; ибо вмѢсто страха и боязни, принялЪ онЪ надежду и упованiе на Бога и повергши съ себя чалму, на бритую сrою

голову надѣлъ Греческой колпакъ, и скинувъ съ себя красные Турецкїе сапоги, обулся въ Греческїе черные; кушакъ, кинжалъ и два пистолета подарилъ онъ Греку Спиридону, а самъ подпоясался худымъ его кушакомъ и пробывъ у него ночь, отправился рано 29 Іюля 1785 года въ день Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла въ путь, имѣя при себѣ вмѣсто вожатаго одну только записку о дорогѣ, выпрошенную имъ у Россїйскаго курьера, и два пашпорта Испанской и Венецїанской, да денегъ 60 левковъ, представляя настоящаго въ своей одеждѣ Грека. Изъ Галаты пришелъ онъ къ проливу Чернаго моря и чрезъ оной переѣхалъ на маленкомъ Турецкомъ суднѣ, заплатя 2 пары, или 3 к: россїйскихъ, проливъ же тотъ широтою въ семъ мѣстѣ неболѣе одной россїйской версты.

Отъ Константинополя къ перьвому по вышепомянутой дорогѣ городу *Кючукъ чекмеже* разстоянїемъ по Турецкому названїю на *икисаадъ*, то есть, на *два часа* верховой ѣзды, или на 16 Россїйскихъ верстъ съ небольшимъ. Тутъ, по причинѣ гористыхъ и пещаныхъ мѣстъ и несносныхъ жаровъ, никакая лошадь скоро бѣжать не можетъ. *Кючукъ чекмеже* значитъ *узкой проходъ*; ибо сей небольшей городокъ съ правой стороны окруженъ горами, покрытыми лѣсомъ, а съ лѣвой заливомъ изъ Бѣлаго или Мраморнаго моря. Тамъ имѣлъ онъ ночлегъ у Грека и на другой день пришелъ во второй городъ, называемый *Буюкъ чекмеже*, разстоянїемъ оттуда на *ючь саадъ*, то есть, на три часа ѣзды, или 24 Россїйскихъ верстъ. Идучи подлѣ Бѣлаго моря, въ четвертый день при-

шелъ въ третїй городъ *Зардымъ*, а въ послѣдующее время прошелъ города: 4) *Баулъ*, 5) *Большую Шумну*, 6) на рѣкѣ Дунаѣ *Журму* и другїя мѣста; до Дуная шелъ онъ пять недѣль и пришелъ Августа 4 числа 1785 года, претерпѣвая въ незнаемой дорогѣ великїя трудности по разнымъ случаямъ, и ни въ которомъ городѣ, или мѣстечкѣ, остановленъ не былъ.

Рѣка Дунай теченїе свое имѣетъ въ Черное море, и на правомъ берегу сей рѣки живутъ Россїяне, бывшїе Запорожскїе козаки своими домами, коихъ число великое. Они ловятъ въ Дунаѣ рыбу, также и на морѣ. Съ нихъ больше ничего въ казну Султанскую не берется какъ десятина, то есть, десятая съ улову рыба. Они возятъ въ Константинополь икру и рыбу соленую для Европейцевъ, а Тур-

ки до соленой рыбы, или икры, неохотники и почти изъ нихъ никто ее не покупаетъ. Баранщиковъ изъ сихъ Запорожскихъ козаковъ видалъ продающихъ рыбу и икру многихъ въ Царѣградѣ; а по сему знакомству, какъ пришелъ къ нимъ на рѣку Дунай, то они очень ласково его приняли и онъ у нихъ проживалъ въ разныхъ домахъ дни по два, по три и по четыре. *Они* исповѣдываютъ Христïанскую православную вѣру и по благопрïятству уговаривали его, чтобъ онъ остался съ ними жить. Въ отвѣтъ на то говорилъ онъ имъ: Любезные мои! Вы оставили свое отечество самопроизвольно и поселились въ чужой сторонѣ, да и подъ владѣнïемъ Турецкаго Султана; но вы должны бояться его всякой часъ; возвратитесь лучше въ Россïю. На сïе многïе ему отвѣт-

ствовали: Что мы тамъ забыли? Поди ты, а мы не хотимъ, да и ты когда пойдешъ, добра не найдешъ. Къ увѣренїю ихъ разсказывалъ имъ онъ, что въ Царѣградѣ живучи, слышалъ онъ отъ россїйскаго курьера, что *Всемилостивѣйшая Монархиня* всѣхъ прощаетъ, лишь только возвратись кто въ свое отечество и что въ Херсонѣ даютъ на поселенїе домъ, лошадь, корову и овцу и нѣсколько денегъ; однакоже не могъ онъ уговорить ни одного.

Дунай переѣхалъ онъ съ Молдаванами и прошелъ Молдаванскїе города: Букарестъ, Фокшаны, Яссы и на Днестрѣ Сороку: тутъ прожилъ онъ нѣсколько времени у россїянъ, коихъ Молдаванцы называютъ Филиповцами: они исповѣдываютъ Грекороссїйскую вѣру; но никогда не ходятъ въ церьковь къ единовѣрнымъ Молдаванамъ

и ГрекамЪ, а имѢютЪ свои молебницы, или божницы, и говорятЪ: что ихЪ предки отцы и дѢды поселились здѢсь и что они живутЪ благополучно и имЪ позволено вѢру исповѢдывать, какЪ хотятЪ, да и вЪ прошедшую сЪ Турками войну было имЪ невозбранно слѢдовать всѢмЪ обрядамЪ своея вѢры. ВЪ БукарестѢ, гдѢ онЪ былЪ двѢ недѢли, рускїе снимаютЪ подряды, дѢлаютЪ мазанки, погреба для виноградныхЪ винЪ и иную тяжелую работу исправляютЪ, кЪ коей природные тамошнїе жители великїе неохотники.

ИзЪ города Сороки, чрезЪ ДнестрЪ рѢку переправясь на суднѢ, прошелЪ Польскаго владѢнїя города Чекиновку, Китай городЪ, Лодыжину, БѢлую церковь и протчїя мѢстечки. Недостатокъ денегЪ вЪ ПольскихЪ городахЪ и мѢстечкахЪ заста-

вилъ его униженно просить благотворителей человѣчеству о подаянїи ему на пропитанїе и тамъ многїе не отвергали его прошенїя и по возможности своей снабдѣвали его иные пищею, а другїе деньгами, и такимъ пособїемъ въ пропитанїи себя изъ Польскаго владѣнїя пришелъ онъ къ Россїйской границѣ на Васильевской фарпостъ и объявилъ тамъ свои два пашпорта: Испанской изъ Портόрика и Венецїанской, гдѣ съ него взятъ былъ допросъ обо всемъ случившемся съ нимъ въ Америкѣ, Азїи и Европѣ; послѣ чего пашпорты у него отобраны и посланы въ Кїевское Намѣстническое правленїе обще съ допросомъ, а его, яко перьваго выходца изъ Турцїи, препроводили застражею съ однимъ гусаромъ въ Кїевъ, гдѣ получилъ онъ изъ Кїевскаго Намѣстническаго правленїя указъ,

чтобъ явиться ему въ Нижнемъ Новѣ-городѣ, при чемъ Господинъ Генералъ-Порутчикъ и Кавалеръ Ширковъ, Правитель Кїевскаго Намѣстничества, пожаловалъ ему пять рублей на дорогу, а о пашпортахъ сказалъ, что оба Венецїанской и Испанской посланы чрезъ почту въ Нижегородское Намѣстническое правленїе. Съ тѣми изъ милосердїя и человѣколюбїя Его Превосходительства пожалованными пятью рублями и съ даннымъ изъ Кїевскаго Намѣстничества пашпортомъ прошелъ онъ чрезъ Россїйскїе города: Нѣжинъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Орелъ, Бѣлевъ, Калугу, Москву, Володимеръ и Муромъ, а изъ онаго прибылъ и въ Нижней Новъ-городъ 23 Февраля 1786 года.

На другой день, или 24 Февраля 1786 года, представленъ онъ былъ Его Высокопревосходитель-

ству Господину Генералу Губернатору и Кавалеру Ивану Михайловичу Ребендеру. — Сей благотворительный и милосердый Господинъ пожаловалъ ему 15 рублей, распрося подробно о его странствованіи и нещастныхъ приключеніяхъ; напослѣдокъ Его Высокопревосходительство изволилъ сказать ему: „Я „тебѣ во всемъ помощникъ буду; „но какъ Городовому Магистрату „не могу приказать заплатить „за тебя, то онъ конечно пос„тупитъ съ тобою по строго„сти законовъ, ради чего совѣ„тую просить гражданъ, чтобъ „они тебя избавили за претер„пѣнныя несчастіи отъ плате„жа податей и долговъ и сняли „бы оныя на себя изъ человѣко„любія.„

Великодушіе и милосердіе Его Высокопревосходительства сильно его ободряло, и онъ, имѣя

собственной домЪ, пришелЪ кЪ своей женѢ чрезЪ шесть лѣтЪ, нашелЪ ее вЪ самой сущей бѣдности сЪ двумя дѣтьми, а третьего лишился онЪ по пятому году. Жена нескоро его узнала; ибо онЪ одѣтЪ былЪ вЪ странное платье и сЪ невыросщими еще на бритой головѢ волосами; но когда онЪ сЪ нею обЪяснился, то какая была ея и его при семЪ случаи радость, оную чувствовать и изЪяснить тотЪ только можетЪ, кто самЪ бывалЪ вЪ подобныхЪ обстоятельствахЪ.

До 1780 года записанЪ онЪ былЪ во вторую Гильдїю купцомЪ и платилЪ сЪ капитала; когда же явился вЪ НижнемЪ НовѢ-городѢ, то градское общество, или Городовой МагистратЪ, требовалЪ сЪ него за всѢ шесть лѣтЪ подати и за оную держанЪ онЪ подЪ стражею болѢе полутора мѣсяца, и лишь толь-

ко освобожденъ Магистратомъ, что кредиторы на его просили въ словесномъ судѣ; ибо онъ долженъ былъ по щетамъ и векселямъ болѣе 230 рублей разнымъ людямъ; изъ словеснаго суда посланъ онъ въ Городовый Магистратъ.

Въ удовлетворенїе должникамъ его, или кредиторамъ, принужденъ нашелся продать домъ свой за 45 рублей, и сдѣлавъ такимъ образомъ малую уплату, освобожденъ на нѣсколько времени изъ подъ стражи, а за достальныя 185 рублей долговыхъ и за шесть лѣтъ податей, Городовый Магистратъ учинилъ свое опредѣленїе: отослать его Баранщикова въ казенную работу на соляныя варницы въ городъ Балахну по 24 рубли на годъ, разстоянїемъ отъ Нижняго Нова-города 25 верстъ. Невидавъ же онъ Баранщиковъ

жены и дѣтей съ лишкомъ шесть лѣтъ, пришедъ въ свое любезное отечество Россїю, презирая всѣ опасности, даже и самую смерть, соблюдая вѣру Христїанскую, памятуя жену и дѣтей, воззываетъ онъ Нижняго Нова-города къ своимъ гражданамъ и Городовому Магистрату такими словами: чтобъ они вняли купно гласу закона ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и гласу человѣколюбїя и приняли бы во уваженїе истинныя и неоспоримыя бѣдности его доказательства и свидѣтельства: 1) пашпорты Испанской и Венецїанской, 2) заклейменїя на островѣ Порторико на лѣвой рукѣ и Турецкїя на правой и потомъ въ Iерусалимѣ распятїемъ Христовымъ, 3) что шесть лѣтъ препроводилъ онъ безъ жены и дѣтей въ крайней бѣдности, 4) что говоритъ по Испански, по Ита-

лїански и по Турецки и что столь простому человѣку, какъ бы онъ худо ни говорилъ, научиться въ скорости не можно, 5) что сего 1787 года наступилъ святый великїи постъ, а онъ сидитъ въ Магистратѣ подъ стражею, и что уже опредѣленїе подписано было, чтобъ отдать его на соляныя варницы; но все сїе не было уважено. Тогда пошелъ онъ къ Нижегородскому Преосвященнѣйшему, который, пожаловавъ ему пять рублей, отпустилъ его отъ себя, а Магистратъ, по предложенїю Его Высокопревосходительства Господина Генералъ-Губернатора и Кавалера Ивана Михайловича Ребендера, далъ ему пропускъ до Санктпетербурга, съ которымъ онъ туда пришедъ, явился у Высокопреосвященнѣйшего Митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго Гаврїила и по де-

сятидневномъ покаянїи въ Александроневскомъ монастырѣ приобщенъ святыхъ Христовыхъ таинъ, въ доказательство чего данъ ему Маїя 7 дня 1787 года изъ духовной Консисторїи билетъ.

Съ симъ билетомъ явясь у многихъ знатныхъ особъ въ Санктпетербургѣ и представя имъ краткое начертанїе своихъ приключенїй и бѣдствїй, обрѣлъ въ нихъ столь сострадательныя сердца, что удостоился милости, которыя избавили его отъ тягостнаго и долговременнаго ига нищеты, и за которыя онъ высокимъ особамъ, ему благодѣтельствовавшимъ, приноситъ наичувствительнѣйшую свою благодарность, кою по гробъ свой сохранять будетъ въ сердцѣ своемъ и доноситъ всѣмъ согражданамъ, что онъ нигдѣ и ни въ какомъ мѣстѣ не видалъ,

что бы человѣколюбіе простиралось столь далеко, какъ путь въ тѣхъ лицахъ, кои подлинно и дѣломъ и словомъ благородны и знамениты. Виновниками же премѣны злополучій его во благо соизволили быть наипаче Ихъ Высокографскія Сіятельства: Марья Андрѣевна Румянцова, Яковъ Александровичь Брюсъ, Анна Родіоновна Чернышева, Александръ Романовичь Воронцовъ, Ея Свѣтлость Принцесса Барятинская, Его Сіятельство Графъ фонъ Минихъ; Ихъ Высокопревосходительства: Иванъ Ивановичь Бецкой, Анна Никитишна и Марья Осиповна Нарышкины, Иванъ Ивановичь Шуваловъ, Александръ Александровичь и Левъ Александровичь Нарышкины, Его Сіятельство Александръ Сергѣевичь Строгоновъ, ихъ Превосходительства Алексѣй Логиновичь Щербачевъ, Иванъ Ивано-

вичь Михельсонъ, Василей Михайловичь Ребендеръ, Михайла Савичь Бороздинъ, Сава Ивановичь Мавринъ и Баронъ Строгоновъ; также Его Высокопреосвященство Митрополитъ Новгородскїй и Санктпетербургскїй Гаврїилъ и Двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Духовникъ Іоаннъ Іоанновичь Панфиловъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

Заключающее въ себѣ описанїе Царь-града и Турецкихъ начальниковъ духовныхъ, воинскихъ и гражданскихъ.

О положеніи Константинополя и о древнихъ въ ономъ зданіяхъ.

Константинополь лежитъ въ области, называемой Романіею, у береговъ Бѣлаго и Чернаго моря при проливѣ оныхъ, соединяющемся съ Архипелагомъ. Сія древняя столица раздѣляется на три части, изъ коихъ двѣ обрѣтаются на сторонѣ Европейской, а третія на Азійской. На одной сторонѣ изъ Европейскихъ находится Греческій старинный городъ Византія, заключающій въ себѣ Султанскій дворецъ, гдѣ прежде жилъ Царь Константинъ, великолѣпную и огромную церковь, а нынѣ мечеть Софію, пространную площадь, на коей три обелиска,

гостиной дворЪ и многїя зданїя и домы ТурецкихЪ вельможЪ. Во второй Европейской части находится Греческїй замокЪ Галата и великая улица Пера, гдѢ жительствуютЪ чужестранцы. ВЪ третьей же, лежащей вЪ Азїйской сторонѢ и именуемой Скутари, состоятЪ жилища и разныя народныя строенїи несмѢтнаго числа природныхЪ жителей. Во всѢхЪ трехЪ оныхЪ частяхЪ улицы мощены, но безмѢрно тѢсны; на каждой изЪ оныхЪ находится нѢсколько фонтановЪ сЪ мраморными водоемами, а что принадлежитЪ до строенїя тамошнихЪ обитателей, то оное непорядочно и ни вЪ чемЪ несоотвѢтствуетЪ прекрасному и рѢдкому положенїю сего города; древнїя же Греческїя зданїи разрушены и со всемЪ истреблены, кромѢ храмовЪ, кои превращены вЪ мечети, изЪ которыхЪ

вышепомянутая Софїйская почитается нетолько тутъ, но и въ цѣломъ свѣтѣ нѣкїимъ чудомъ, какъ по огромности своей, такъ и красотѣ и великолѣпїю; ибо оная сооружена вся изъ мрамора и заключаетъ во внутренности своей болѣе шести сотъ столбовъ, украшенныхъ многоразличнымъ образомъ. Посреди пролива, раздѣляющего Азїю съ Европою, построена башня, о которой говорятъ, что въ оной заключена была нѣкая Греческая Царевна. Византїя же, построенная на седми холмахъ, имѣетъ столь прїятный и поразительный видъ, что каждаго, взирающего на оной въ нѣкоторомъ отдаленїи, приводитъ въ восторгъ. Самая лучшая въ Константинополѣ площадь называется Греческимъ именемъ *Иподромъ*, а по Турецки *Атмеданъ*, то есть, конное рысстанїе: на

оной находится, большая Пирамида мраморная, четвероугольной каменной столбъ и другой треугольной мѣдной съ тремя перевившимися змѣями и столбъ Императора Феодосїя, украшенный рѣзьбою и разными фигурами.

Едикуль, или семибашенная крѣпость, находится въ углу города къ полуденной сторонѣ, обведена толстою весьма стѣною, примыкающеюся къ городской стѣнѣ и построена еще при Греческихъ Царяхъ, начавшихъ оную, какъ сказываютъ, для монетнаго двора; нынѣ же построены въ ней разныя тюрьмы, въ кои сажаютъ людей за разныя тяжкїя преступленїи, также осужденныхъ на смерть военоплѣнныхъ чиновниковъ Христїанскихъ Государей предъ вступленїемъ съ ними въ войну. Гостиныхъ дворовъ въ Констан-

тинополѢ три примѢчанїя достойныхЪ, изЪ коихЪ первый и лучшїй называется *ЖевагерЪ БезестенЪ*, гдѢ продаются драгоцѢнные камни, жемчугЪ, золото, сребро, ружья, пистолеты, сабли, конская збруя и всякїя вещи, коимЪ продажа производится сЪ молотка. Второй именуется *СандалЪ БезестенЪ*, вЪ которомЪ продаются многоразличныя шелковыя ткани и парчи, какЪ Турецкїя, такЪ и иностранныя. Третїй же *ЯсырЪ БазарЪ* опредѢленЪ для продажи разныхЪ невольниковЪ и невольницЪ, изЪ коихЪ по большей части видны тутЪ уроженцы Аравїйскїе и Грузинскїе. БѢдные невольники, а особливо бабы и дѢвки, содержатся вЪ лавкахЪ, такЪ какЪ птицы вЪ клѢткахЪ, и могутЪ купцами, сторговавшими ихЪ, осматриваемы быть нагїя сЪ головы до ногЪ, нѢтЪ ли какихЪ

на тѣлѣ ихъ пороковъ или болѣзни. Цѣна женщинамъ опредѣляется здѣсь по мѣрѣ ихъ красоты, такъ, что ото ста рублей платятъ за одну хорошую дѣвку до двухъ и трехъ тысячь, а иногда и болѣе.

Бани тутъ каменныя, покрытыя свинцомъ съ куполами, у которыхъ окна вдѣланы изъ выпуклыхъ стеколъ въ кровлѣ. Внутреннее расположенїе оныхъ весьма изрядно и многїя изъ нихъ снабжены достаточно водометами и разными многими для вогоды и удовольствїя потребностями.

Близь мечети Султана Солимана и Баязета находится старая сераль, гдѣ содержатся жены и престарѣлыя наложницы умершихъ Султановъ.

Почти по срединѣ города построены янычарскїя казармы, въ которыя, какъ сказываютъ, до

сорока тысячь янычаръ помѣщено быть можетъ; однакожъ въ оныхъ болѣе пяти тысячь на лицо почти никогда не бываетъ. Тутъ находится и дворъ *Янычаръ Аги*, на коемъ построена превысокая башня для смотрѣнія въ случаѣ, гдѣ пожаръ сдѣлается, ради чего на ней денно и ночно всегда стража находится.

Султанскій дворецъ, или сераль, а по тамошнему серай, построенъ на самомъ мысу полуострова, омываемаго Ѳракійскимъ Босфоромъ точно въ томъ, какъ говорятъ, мѣстѣ, гдѣ была древняя Византія. Оной отдѣленъ отъ самаго города одною только каменною стѣною, а съ протчихъ трехъ сторонъ водою, и окруженъ весь каменною большою оградою, имѣя обширности больше, нежели въ Москвѣ Кремль вмѣсти съ Китаемъ; построенъ

же на самой вершинѣ горы, почему и имѣетъ видъ со всѣхъ сторонъ прекрасной. Въ немъ разныя зданіи отдѣлены одно отъ другаго, а внизу по косогору до самаго берега кругомъ разведены сады, состоящіе изъ кипарисовыхъ и многоразличныхъ плодоносныхъ деревъ; у берегу же у самаго моря находятся увеселительные домы и Кіоски, или бесѣдки. Главной входъ отъ города въ сераль есть башня и большіе ворота съ 8 малыми, надъ коими всѣми сдѣлано вверьху нѣсколько окошекъ. Отъ сихъ воротъ заимствуетъ Оттоманская Порта свое имя и у оныхъ пятьдесятъ Капиджіевъ, или привратниковъ, стоятъ всегда на стражѣ съ дубинами. По входѣ туда открывается первая площадь, куда всякой входить можетъ и около которыхъ находятся раз-

ныя службы для серальскихъ нижнихъ чиновъ. За оною слѣдуетъ другая площадь, ограждаемая также стѣною и стрегомая равномѣрно пятьюдесятью капиджїями, куда кромѣ Султана никто въѣзжать не можетъ. Палаты, въ коихъ хранятся Султанскїя сокровища, также и малая конюшня на тритцать лошадей построены съ лѣвой отъ главнаго входа стороны; службы же и девять поварень находятся съ правой стороны близь стѣны. Большая конюшня, гдѣ около тысячи лошадей содержится для разныхъ Султанскихъ служителей, стоитъ на берегу Восфора. Палата, въ которой собирается Диванъ, или государственной совѣтъ, стоитъ на лѣвой сторонѣ въ самомъ концѣ сего двора, а на правой видны ворота, коими проходятъ въ самую внутренность

серали и куда входъ никому, кромѣ званныхъ, не дозволенъ. Сїя палата довольно велика, но весьма низка, покрыта свинцомъ и испещрена на Арабской вкусъ золотомъ и красками. Въ оной верьховный Визирь рѣшитъ всѣ гражданскїя и уголовныя дѣла и тутъ бываютъ чужестранные Послы угощаемы обѣденнымъ столомъ въ день бытности ихъ у Султана. *Херемъ*, или женскїе покои, находятся еще далѣе и сообщаются разными переходами съ покоями Султанскими: они стрегутся евнухами и туда никто изъ мущинъ не можетъ имѣть входу подъ лишенїемъ жизни. *Кизлеръ Ага*, главный евнухъ и приставъ надъ женскимъ харемомъ долженъ быть самый черный и гнуснѣйшїй изъ всѣхъ Араповъ.

Что же принадлежитъ до предмѣстїй, то изъ оныхъ ле-

житъ на западной сторонѣ одно *Еюпъ* именуемое, въ коемъ обрѣтается славная сего же имени мечеть, гдѣ Султаны предъ возшествїемъ на престолъ опоясываются саблею, въ чемъ состоитъ весь обрядъ при воспрїятїи ими державы. *Галата* же лежитъ на другой сторонѣ залива и окружена каменною стѣною, рвами и башнями. Тутъ жили прежде Генуезцы, коихъ многїе домы, имѣющїе весьма толстыя стѣны и своды, еще и по нынѣ цѣлы и служатъ Европейскимъ купцамъ, а особливо Французскимъ и Венецїанскимъ для жительства и для поклажи ихъ товаровъ. *Пера* лежитъ повыше *Галаты* на самомъ верьху горы, гдѣ имѣютъ пребыванїе Послы и посланники всѣхъ Христїанскихъ Государей и находящїеся подъ ихъ покровительствомъ частные люди, именуемые во-

обще Франками, также множество Грековъ, Армянъ и Турковъ. *Банїо* находится неподалеку отъ *Галаты*, гдѣ содержатся во узахъ разные невольники и военопленные Христїане. *Топхана*, или пушкарской дворъ и слобода, имѣетъ положенїе свое подлѣ *Галаты* супротивъ самой серали, гдѣ у берегу моря лежитъ на бревнахъ великое множество пушекъ разной величины. *Скутари*, предмѣстїе пространное или цѣлой городъ, стоитъ на Азїйскомъ берегу противъ серали и въ немъ почитается болѣе ста тысячь жителей Турковъ, Грековъ, Армянъ и Жидовъ. По обѣимъ же сторонамъ Фракїйскаго Восфора до самаго Чернаго моря находятся прекрасныя деревни и великое множество увеселительныхъ домовъ, какъ Султанскихъ, такъ и знатныхъ вельможъ, гдѣ въ лѣтнее

время жить весьма пріятно и весело.

ВЪ виду Константинополя, верстахЪ вЪ двадцати отЪ онаго видны на морѢ пять острововЪ разной величины, изобилующихЪ прекрасными рощами и садами и составляющихЪ потому пріятное вЪ лѢтнее время пребываніе для многихЪ Христіанскихъ семействЪ. Деревня *БѢлградЪ*, находящаяся вЪ такомЪ же разстояніи отЪ города, имѢетЪ столь прекрасное положеніе, что вЪ оной прежде сего имѢли всѢ Европейскіе Министры свои загородные домы, но нынѢ мѢсто сіе совсемЪ почти оставлено, по причинѢ случающихся тамЪ часто болѢзней.

О чинахъ Турецкихъ духовныхъ, гражданскихъ, воинскихъ и придворныхъ.

О чинахъ духовныхъ.

Муфти, или Первосвященникъ Магометанскїй, имѣющїй всегдашнее свое пребыванїе въ Царьградѣ, есть полновластный толкователь Алкорана и почитается отъ всего народа священною и Богодухновенною особою, опредѣленною для защищенїя православїя и храненїя правосудїя. Въ старину имѣли и самые Султаны его въ великомъ уваженїи, а нынѣ благословенїемъ его нестолько уже дорожатъ, и дворъ Турецкїй свергаетъ его, посылаетъ въ сылку и возводитъ на мѣсто его другаго, когда онъ только окажетъ себя по неосторожности явно противникомъ оному. Что же принадлежитъ

до его предписаній по духовнымъ дѣламъ и къ духовнымъ наипаче особамъ, то онѣ и нынѣ, по утвержденію многихъ, имѣютъ такую же силу, какъ и прежде.

Некибъ имѣетъ должность носить Магометово знамя и знаменитостію своего сана не ниже самаго Муфти. Онъ избирается всегда самимъ Султаномъ изъ Эмировъ, или потомковъ Магометовой дочери.

Шекъ, или *Шерифъ*, есть великій священноначальникъ Мекскій, въ которомъ достоинствѣ признаютъ его всѣ Магометане, какого бы толка ни были, и онъ получаетъ отъ всѣхъ ихъ властелиновъ великіе подарки въ наличныхъ деньгахъ и богатыхъ коврахъ на Магометовъ гробъ, въ воздаяніе чего содержитъ на своемъ иждивеніи семнатцать дней всѣхъ молельщиковъ, приходящихъ на поклоненіе въ Мек-

ку и ежегодно составляющихъ число неменѣе семидесяти тысячь душъ. Достоинство его хотя и зависитъ отъ Султанской власти, но вообще наслѣдственно и принадлежитъ поколѣнїю Магометову, или Эмирамъ, отличающимъ себя отъ протчихъ Турковъ зелеными чалмами, ношенїе коихъ имъ однимъ только принадлежитъ и доставляетъ имъ въ очахъ суевѣрнаго народа столь великое преимущество, что всякаго иновѣрца, оскорбившего ихъ, сожигаютъ живаго.

Мудери есть имя, коимъ называютъ Турки своихъ учителей, или наставниковъ духовныхъ.

Имамъ, или *Иманъ*, значитъ то же, что у насъ попъ, или священникъ, и простымъ народомъ столь много уважается, что всякъ, непризнающїй происхожденїя власти его непосред-

ственно отъ Бога почитается нечестивцемъ, а кто ему противится и не покорствуетъ, мятежникомъ и невѣждою. Облаченїе Имана отличается отъ платья обыковеннаго одною чалмою, которая нѣсколько ширѣ и иначе складывается. Самая главная его должность состоитъ сверхъ опредѣленныхъ молитвъ въ поученїяхъ народныхъ, въ коихъ чаще всего разсуждается о житїи Магометовомъ, его чудесахъ, великихъ добродѣтеляхъ и пр:. При посвященїи же его въ сей чинъ не наблюдается никакого болѣе обряда, кромѣ испытанїя, довольно ли разумѣетъ онъ силу своего закона.

Мюезинъ значитъ у Турковъ то, что у насъ звонарь, съ тою только разностїю, что мѣсто колокола занимаетъ собственная его гортань; ибо онъ, взошедъ въ назначенное время на мечеть,

или на столбѣ близь оной стоящїй, кричитъ во весь голосъ, чтобъ всякъ правовѣрный спѣшилъ во храмъ Божїй пещися о своемъ спасенїи.

Талисманъ есть имя нижнего мечетнаго служителя, поющего съ Иманомъ и ему отвѣтствующего во дни долговременнаго служенїя, бывающаго въ большїе годовые праздники.

Дервишъ есть именованїе монаха того рода, который приноситъ обѣтъ убожества, цѣломудрїя и повиновенїя и который можетъ во всякое время оставлять свой чинъ и вступать въ супружество, когда ни пожелаетъ. У Турковъ кромѣ сихъ монаховъ есть и другїе, какъ то: *Бекташи*, *Эбибугары*, *Эдгемиты*, *Гизревиты*, *Кадры* и *Сантоны*, препровождающїе жизнь свою по большей части въ странствованїи во Іерусалимъ, Багдатъ, Да-

маскѣ, Кармель и другїя мѣста, гдѣ думаютѣ, что погребены ихѣ святые. Сїи послѣднїе монахи отличаются отѣ протчихѣ безпритворнымѣ и самымѣ явнымѣ распутствомѣ по принятому ими правилу, что бы пользоваться всячески настоящимѣ, а не будущимѣ днемѣ; отличные же изѣ нихѣ вмѣняютѣ себѣ вѣ долгѣ святости притворяться полоумными, или сумасшедшими, и смотрѣть всегда на народѣ пристально и говорить гордо: они всѣ почти прошаки и обманщики, продающїе таинства и священныя по мнѣнїю ихѣ останки, каковы на прим: волосы Магометовы и проч:.

О чинахѣ гражданскихѣ.

Визирь Великїй есть верховный намѣстникѣ Султана, ко-

торый ему поручаетЪ все правленїе своего Государства, какЪ со стороны внутреннихЪ, такЪ и внѣшнихЪ гражданскихЪ и воинскихЪ дѣлЪ. СултанЪ при порученїи ему сей важной должности даетЪ ему печать, на коей вырѣзано имя его и которую онЪ, яко знакЪ достоинства своего,носитЪ всегда вЪ своей пазухѣ и прикладываетЪ ко всѣмЪ своимЪ указамЪ. ОнЪ распредѣляетЪ всѣ должности, кромѣ судейской, и входЪ кЪ нему не возбраненЪ и самой послѣдней степени людей. Жизнь же онЪ ведетЪ весьма пышную и роскошную, имѣя всегда вЪ мирное время при себѣ болѣе двухЪ тысячь чиновниковЪ и служителей, кромѣ тѣлохранителей, состоящихЪ по крайней мѣрѣ изЪ четырехЪ сотЪ АлбанцевЪ безотлучно при немЪ пребывающихЪ. Доходы его чрезвычайно велики;

ибо нѣтъ во всемъ Турецкомъ Государствѣ ни одной чиновной или власть имѣющей особы, которая бы могла обойтись безъ поднесенія ему великихъ подарковъ, и дворецъ его есть неиное что, какъ гостиной дворъ, гдѣ искусному и нескупому покупщику можно приобрѣсть всякую милость. — Кромѣ сего великаго Визиря есть еще шесть другихъ просто *Визирями*, или трехъ бунчужными Пашами, именуемыхъ, кои имѣютъ право засѣдать въ Диванѣ, или Государственномъ совѣтѣ, когда онаго Султанъ, или великій Визирь, потребуетъ.

Каймаканъ есть намѣстникъ великаго Визиря и во время его отсутствія бываетъ при производствѣ дѣлъ толико же полновластенъ, какъ и онъ самъ, въ Царь-градѣ бываетъ обыкновенно по два Каймакана, имѣю-

щихъ строгое особливо смотрѣніе за благочинїемъ; жаловать же Пашами, или свергать оныхъ, Каймаканы не имѣютъ власти и не могутъ также никого сами собою казнить смертїю.

Кигая, или *Кеаїа*, отправляетъ при великомъ Визирѣ также и другихъ вельможахъ Государства должность письмоводителя и домоправителя и имѣетъ потому немалую силу въ дѣлахъ чрезъ ихъ руки идущихъ.

Рейсъ Эфенди есть та знатная особа у Турковъ, коей поручается правленїе иностранныхъ дѣлъ.

Тескерджи Баша значитъ собственно Султанскаго письмоводителя, отправляющего всѣ важныя дѣла, текущїя чрезъ Галибе Диванъ, или дворцовый совѣтъ.

Нассанджи Баша есть хранитель Султанской печати, коей однако же онъ не хранитъ, а

токмо прикладываетъ къ грамотамъ, указамъ и инымъ подобнымъ бумагамъ.

Дефтердаръ есть чинъ и званїе великаго казначея, или главнаго начальника надъ казною, имѣющїй въ вѣденїи своемъ всѣ Государственные приходы и расходы. Его повелѣнїи исполняются столь же свято, какъ и Султанскїя, и число находящихся при немъ людей также почти велико, какъ и при верховномъ Визирѣ.

Рузнамеджи Эфенди есть частный казенныхъ сборовъ приставъ, или казначей.

Паша, или *Баша*, означаетъ главнаго градскаго, или областнаго правителя.

Беглербекъ есть именованїе великаго областнаго правителя, или намѣстника, имѣющего подъ вѣдомствомъ своимъ другихъ правителей, называемыхъ Сан-

жїаками, и простирающего власть свою надъ животомъ и смертїю подданныхъ Султанскихъ, обитающихъ въ той странѣ, которая поручена ему во управленїе.

Бей знаменуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзднаго токмо правителя, а въ другихъ полновластнаго начальника всей ввѣренной ему области.

Кадилескеръ соотвѣтствуетъ въ должности предсѣдателю нашихъ гражданскихъ судовъ.

Кади есть уѣздный судїя.

Наелъ тоже, что у насъ расправный судїя.

Дрогманъ называется переводчикъ, или толмачь.

О чинахъ воинскихъ.

Великїй Визирь, о коемъ выше упомянуто, предводительствуетъ во время войны собствен-

нною особою надъ всѣми воинскими силами съ безпредѣльною власттїю.

Сераскїеръ, или *Башбогъ*, избираемый изъ трехъ или двухъ бунчужныхъ Пашей, есть военачальникъ, располагающїй и управляющїй по собственному своему произволу немалымъ числомъ войска, ему ввѣреннаго.

Жанъ И-Сери Агаси, или янычарскїй Ага, есть чиновникъ, управляющїй отборнымъ сухопутнымъ Турецкимъ войскомъ, именуемымъ *Жанъ И-Сери*, или янычары.

Кулкегайя есть предсѣдатель воинскаго суда и занимаетъ въ мирное время мѣсто въ Диванѣ, а въ военное почитается старшимъ по янычарскомъ Агѣ.

Ага значитъ сухопутнаго Полковника.

Чорваджи есть сотникъ янычарскїй.

Одабаши тоже, что урядникъ, начальствующїй надъ десятью или двадцатью человѣками, въ мирное и въ военное время.

Спаги-Агасси есть Атаманъ, или начальникъ Турецкой конницы

Спагиляръ Ага, Полковникъ конницы Турецкой, или спаговъ.

Капуданъ, или Капитанъ Баша, занимающїй третью степень въ Турецкомъ Государствѣ, есть полновластный начальникъ и предводитель морскихъ силъ, въ котораго вѣденїи состоятъ также приморскїя земли, города, замки и крѣпости, коему въ тѣлохранители опредѣлено три янычарскїя роты.

Рейсъ есть начальникъ, или Капитанъ морскаго судна.

Топиджи Баша имѣетъ начальство надъ всѣми огнестрѣльными орудїями и снарядами, а самъ состоитъ подъ начальствомъ Капитанъ-Паши.

Что же принадлежитъ до рядовыхъ воиновъ, то изъ нихъ *Жанъ И Сери* Европейскіе и Азійскіе, или Цареградскіе и Дамаскіе почитаются лучшимъ сухопутнымъ войскомъ и имѣютъ также отъ казны гораздо больше выгодъ. Вовремя войны дается имъ обыкновенно на десять человѣкъ лошадь, а на дватцать верблюдъ. Въ мирное время не носятъ они при себѣ никакого оружія, а въ военное имѣютъ, кромѣ кинжала, саблю и ружье: они даютъ двѣ присяги: одну, дабы служить вѣрно Султану, а другую, что бы повиноваться волѣ своихъ товарищей, и обязательство ихъ къ храненію единодушія составляетъ *ту страшную силу*, которой и самые Султаны болѣе всего боятся. —

Спаги составляютъ конницу и набираются изъ природныхъ

Азїйскихъ Турковъ: они лучше умѣютъ владѣть лукомъ, копьемъ и саблею, нежели ружьемъ, однако не могутъ долго сражаться съ Европейскимъ войскомъ, поелику нѣтъ у нихъ никакого устройства и порядка. Кромѣ сихъ набирается еще у Турковъ войско изъ людей помѣщичьихъ и разныхъ иныхъ, какъ то: войско конное *Заиновъ*, *Тимарїотовъ*, *Джїонуловъ*, *Жиндовъ*, *Серденъ-Джїеждовъ*, *Азаповъ*, *Азїевъ*, *Мюзгерей* и нѣкоторыхъ другихъ.

О чинахъ придворныхъ.

Шазъ Ода Баша начальникъ всѣхъ чиновъ, находящихся при Султанѣ во внутреннихъ его чертогахъ.

Исага есть вельможа, служащїй Султану во всемъ томъ;

что до увеселенія его касается, и имѣющій власть надъ комнатными пажами.

Капиджиларъ-Кеаясси, глава Султанскихъ тѣлохранителей, имѣющій должность отправлять и всѣ тѣ дѣла, кои до обрядовъ дворцовыхъ касаются; ему также ввѣрено начальство надъ Капиджи и Капиджи Башами, то есть надъ вратниками и ихъ приставами.

Хазнадаръ-Баша есть хранитель собственной Султанской казны, въ вѣденіи коего состоятъ и всѣ палаты сбереженныхъ сокровищъ при владѣніи прежнихъ Султановъ.

Хазнадаръ-Агаси есть хранитель сокровищъ матери Султанской и начальникъ всѣхъ ея служителей.

Шизнегиръ-Баша есть хранитель и распорядитель всего того, что ни относится до

съѣстныхъ припасовъ и т: под:

Килярджи-Баша имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ всѣ Султанскïе погреба.

Бостанджи-Баша главный надзиратель Султанскихъ садовъ и всѣхъ увеселительныхъ домовъ и мѣстъ.

Эшинъ-*Басси* первый Султанскïй и серальскïй врачь.

Кизрляръ-Ага главный надзиратель надъ покоями всѣхъ женъ и наложницъ Султанскихъ, которымъ онъ возвѣщаетъ Султанское изволенïе. Ему подвластны всѣ евнухи и *Балтаджи*, или женщины, находящïяся въ серальской службѣ и опредѣленныя для охраненïя и услугъ особъ, украшающихъ Султанское ложе.

Рейсъ-Китабъ есть Султанскïй докладчикъ и прïемщикъ письменныхъ дѣлъ.

Шатсъ-Заделеръ-Агасси, чинов-

никъ, коему ввѣрено воспитанїе и главное смотрѣнїе надъ всѣми Султанскими дѣтьми.

Ниханджи-Баша имѣетъ должность скрѣплять печатью всѣ Султанскїя письма.

Кромѣ сихъ главныхъ чиновъ находится въ сералѣ великое множество нижнихъ, какъ то: *Капиджїевъ*, или вратниковъ, *Чаушовъ*, или придверниковъ, употребляемыхъ обыкновенно для истребованїя головы отъ Пашей, лишившихся милости Султанской, или великаго Визиря, *Пейковъ*, или скороходовъ, *Ченеджировъ*, или столовыхъ прислужниковъ, *Эшимовъ* врачей, *Оджїасовъ* учителей дѣтей Султанскихъ, *Арпа Эминовъ*, или ясельничихъ, *Жанцовъ* писарей, *Загарджїевъ* охотниковъ, *Густиларовъ* садовниковъ, *Килярджїевъ* погребщиковъ, *Ичогълановъ*, или пажей, именуемыхъ также по особенной ихъ должно-

сти и *Одогландирами*, нѣмыхъ и малорослыхъ, или карловъ, *Балтаджїевъ*, или истопниковъ и разныхъ другихъ, коихъ число превышаетъ гораздо дворцовыхъ служителей, употребляемыхъ при Европейскихъ дворахъ.

О странныхъ Турецкихъ обычаяхъ.

Поелику Турки, равно какъ и всѣ послѣдователи Магометанскаго закона, вѣрятъ, что вѣчная и блаженная жизнь состоять будетъ во употребленїи естественныхъ вещей для своего удовольствїя и въ достаточномъ насыщенїи похоти многоразличными прїятными вожделенїями, и что уготовано для нихъ седмь раевъ, изъ коихъ послѣднїй есть самый прекрасный садъ, орошаемый млечными, ме-

довыми и винными рѣками, снабженный великимъ множествомъ водометовъ и украшенный всегда зеленѣющимися древами, коихъ плодъ обратится въ дѣвицъ столь прелестныхъ и нѣжныхъ, что естьли которая изъ нихъ плюнетъ въ море, то горькая въономъ вода претворится вдругъ въ сладкую; и думая при томъ, что чертоги въ небесныхъ ихъ вертоградахъ изобилуютъ всемъ тѣмъ, что только можно вообразить себѣ пышнѣе, величественнѣе и богатѣе, и наполнены самыми рѣдкими и самыми вкусными брашнами, огредѣленными для праведныхъ, коимъ позволено будетъ жениться на дѣвицахъ никогда неизмѣняющихся и полагающихъ все свое благоденствіе въ однѣхъ сладострастіяхъ, стараются въ блаженствѣ подражать и на земли

угодникамъ, и берутъ кромѣ позволительнаго закономъ числа женъ, сколько токмо могутъ содержать, почитая великое ихъ множество для себя не обременительнымъ и поставляя въ ономъ наиболѣе роскошную свою жизнь. Султанъ имѣетъ болѣе всѣхъ у себя наложницъ; ибо во время Байрама, или праздника Пасхи, присылаютъ ему всѣ областные правители въ подарокъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, какихъ только сыскать могутъ, и изъ коихъ онъ избираетъ себѣ любовницъ. Тѣ, кои возъимѣютъ щастіе ему отмѣнно понравиться и удостоиться его объятій, называются *Султаншами Асеками*; но всѣ вообще заперты въ сералѣ и находятся подъ крѣпкою стражею черныхъ и бѣлыхъ евнуховъ, каждая въ особенныхъ покояхъ, гдѣ должна проводить

жизнь свою или въ грусти, или въ происках и хитростяхъ, чтобъ превзойти своихъ соперницъ и понравиться Султану: ибо тѣ изъ нихъ, коихъ онъ сподобитъ особеннаго своего благоволенія и съ которыми приживетъ дѣтей, пользуются особенными выгодами и преимуществами, касательно доходовъ и вольности сопутствовать Султану во время его выѣздовъ. — Вельможи и всѣ другіе, избѣгшіе ига нищеты и исповѣдающіе Магометовъ законъ, послѣдуютъ ревностно въ подобныхъ вожделѣніяхъ и содержаніи многихъ наложницъ примѣру своего властелина, коего всѣ дѣла и поступки признаютъ непорочными и священными, почитая собственную его особу съ крайнимъ благоговѣніемъ.

Въ Султанскомъ дворцѣ, или

сералѣ, воспитывается до тысячи почти избранныхъ отроковъ для услуженія и занятія потомъ важныхъ мѣстъ въ правленіи: ихъ содержатъ тамъ въ чрезвычайномъ раболѣпствѣ и строго наказываются евнухами, своими приставами и учителями, или наставниками, за самомалѣйшія погрѣшности; пребывать же они должны тутъ лѣтъ съ четырнатцать, обучаясь читать, писать, правиламъ вѣры, стоять долго въ безмолвіи, потупя глаза и сложа крестъ на крестъ руки, также языкамъ Арабскому, Персидскому, Славенскому, Французскому, Греческому и Италїанскому, стрѣлять искусно изъ лука, метать дротикомъ и копьемъ, конскому рысстанїю, шить, играть на музыкальныхъ орудїяхъ, окладывать чалмы и платья, прислу-

живать хорошо въ банѣ, брить, обрѣзывать ногти, мыть бѣлье, приуготовлять опїумъ, кофе, шербетъ и всякїе употребительные у восточныхъ народовъ прохладительные напитки. Мучительство, производимое надъ ними евнухами, неимѣющими иныхъ страстей, кромѣ гордости, корыстолюбїя и безмѣрной жестокости, заставляетъ многихъ изъ нихъ часто просить начальство свое объ опредѣленїи въ простые янычары и недожидаться срока къ занятїю лучшихъ и выгоднѣйшихъ должностей. Что же принадлежитъ до воспитанїя собственныхъ Султанскихъ дѣтей, то они воспитываются въ храминахъ, подобныхъ темницамъ, въ самой внутренности сераля и имъ рѣдко дозволяется заниматься инымъ чѣмъ, кромѣ ребячьихъ игрушекъ, ни-

мало немогущихъ просвѣтить свой разумъ, и содержатся вообще въ великой нѣгѣ и праздности, не смотря на то, что обыкновенно къ нимъ опредѣляютъ въ надзиратели самыхъ ученѣйшихъ людей, называемыхъ *Оджіасами*.

Примѣчанія достойно также, что у Турковъ, преданныхъ чрезвычайному сребролюбію наблюдается отмѣнное притворство къ строгому храненію и уваженію Государственной казны; ибо палата, въ коей хранится денежная сумма, собираемая съ народа и употребляемая на Государственные расходы, отворяется неинако, какъ въ полномъ присутствіи всѣхъ чиновъ къ оной опредѣленныхъ, кои должны входить туда въ безкарманномъ платьѣ и изъ коихъ главный снимаетъ въ виду прот-

чихъ печати восковыя, наложенныя на самыя замки, кои великїй Визирь освидѣтельствовавъ, вынимаетъ изъ своей пазухи Султанскую печать, и поцѣловавъ оную, повелѣваетъ по выемѣ, или вложенїи, надлежащей суммы приложить ко всѣмъ затворамъ и потомъ обратно себѣ вручить.

У Турковъ кромѣ многихъ вздорныхъ и пустыхъ обычаевъ, служащихъ къ подкрѣпленїю невѣжества и суевѣрїя, въ великомъ употребленїи скопленїе, и они не довольствуются, какъ Италїанцы, вырѣзыванїемъ однихъ ядеръ для соблюденїя нѣжности въ голосѣ, но по чрезмѣрной своей ревнивости простираютъ безчеловѣчной сей поступокъ еще далѣе, отъ чего погибаетъ великое множество Араповъ, приносимыхъ въ жертву жестокому

сему обычаю; избѣгшїе же смерти продаются дорого, а особливо тѣ, кои имѣютъ видъ свирѣпый, зубы самые рѣдкїе и черные, плоской носъ и весьма отвѣслыя губы.

Казни у Турковъ производятся по большей части скрытно для пресѣченїя всякаго возмущенїя, къ коему народъ сей весьма склоненъ. Впротчемъ уголовныя преступленїи неразсматриваются тутъ съ такою точностїю, какъ у насъ, и нерѣдко бываетъ, что гнѣвъ великаго Визиря, или инаго вельможи, стоитъ жизни многимъ невиннымъ, коихъ они безъ дальней расправы повелѣваютъ немедлѣнно умерщвлять петлею, или кинжаломъ; ибо и самимъ Пашамъ весьма рѣдко случается знать, за какое преступленїе, или по какимъ доносамъ и проискамъ,

осуждены они на смерть. *Капиджи* приѣзжаетъ за ихъ головою нечаянно и исполняетъ должность свою обыкновенно такимъ образомъ, что прибывъ тайно въ домъ ихъ, вручаетъ имъ Каштерифъ, или именной указъ, которой они принявъ и возложивъ на голову свою, произносятъ сіи слова: **Буди воля Господа и Султана**, по томъ прочитавъ краткую молитву, принимаютъ отъ *Капиджи* шелковую петлю, кладутъ ее себѣ на шѣю и повергаются на полъ, а служители *Капиджи* поражаютъ ихъ въ то самое время кинжалами, или удавливаютъ и отрубливаютъ потомъ головы. Самая же страшная и жестокая казнь опредѣляется Грекамъ, обличеннымъ въ смертоубійствѣ, или измѣнѣ; ибо ихъ сажаютъ живыхъ на колъ, связавъ прежде

имъ руки и повергнувъ на землю, гдѣ кладутъ ему на спину ослиное сѣдло, на которое садится палачь и притискиваетъ голову его между тѣмъ, какъ другой втыкаетъ въ проходъ его колъ и вколачиваетъ оный молотомъ до тѣхъ поръ, покуда не выдетъ вонъ чрезъ грудь или плеча.

Небезнужно здѣсь упомянуть и о тѣхъ обрядахъ, кои касаются до ихъ обрѣзанїя, моленїя, омовенїя, бракосочетанїя, странствїя въ Мекку и погребенїя. *Обрѣзанїе* почитается у нихъ за великое таинство, поелику имянно въ Алкоранѣ сказано, что кто не будетъ обрѣзанъ, тотъ не внидетъ въ царствїе Божїе и не спасется; совершается же оное надъ младенцами неранѣе, какъ по достиженїи ими седмилѣтняго возраста, и тогда обыкновенно сажаютъ ихъ одѣтыхъ

вЪ черное платье на коней, изрядно убранныхЪ, и провожаютЪ отЪ мѣстЪ, гдѣ они грамотѣ и закону своему обучаются, вЪ домы отцовскїе сЪ великимЪ хоромЪ сотоварищей ихЪ, поющихЪ приличные на сей случай изЪ Алкорана стихи. ПрибывЪ же туда, разоблачаютЪ ихЪ и препоручаютЪ для обрѣзанїя врачамЪ, или цырюльникамЪ, а не попамЪ, кои должны быть тутЪ только зрителями и свидѣтелями, которые приглашены на сїе празднество. Если же когда дѣло дойдетЪ до обрѣзанїя тѣхЪ, кои вышли уже изЪ отроческаго возраста, то они должны проѣхать верьхомЪ разныя улицы сЪ кинжаломЪ, обращеннымЪ острымЪ концемЪ кЪ сердцу вЪ знакЪ, что лучше желаютЪ быть прободенными, нежели не исполнить предписаннаго закономЪ, и

небыть причтенными къ числу вѣрныхъ. —

Молитвы, или намазы, названныя въ Алкоранѣ столпами вѣры и ключами Рая, отправляются у нихъ въ каждыя сутки по пяти разъ, а именно: предъ восхожденïемъ солнца, о полудни и за три часа предъ захожденïемъ солнца и въ полтора часа по полуночи. Утреннïя называются *Сабахъ-Намазы*, полуденныя *Ухденъ-Намазы*, вечернïя *Икинды-Намазы*, нощныя *Акшанъ-Намазы*, а полунощныя *Ятцы-Намазы*. При совершенïи оныхъ полагаютъ руки на чрево крестообразно, наклоняются всемъ тѣломъ, припадаютъ на колѣни и обращаютъ часто лице къ Востоку и къ Югу, поелику на Востокъ просïяли первые, какъ они говорятъ, лучи свѣта въ ихъ вѣрѣ, а на Югѣ предано

тѣло великаго ихъ Пророка погребенїю: они вообще столь ревностны къ своему закону, что бывъ въ мечетѣ, не пресѣкаютъ молитвъ своихъ и въ такихъ даже случаяхъ, когда домы ихъ бываютъ объяты пламенемъ; во время же войны съ иновѣрными нестоль они набожны, почитая убїенїе ихъ дѣломъ важнѣйшимъ для благочестїя, нежели моленїе.

Омовенїе состоитъ у нихъ въ очищенїи тѣла чрезъ тренїе кожи руками и согнанїи съ оной посредствомъ воды всей нечистоты, при чемъ наблюдается, что бы оное производилось съ намѣренїемъ угодить Богу и что бы омываемо было нетолько лице, но и руки и ноги, и не упущено бы было ничего закономъ заповѣданнаго, или обычаемъ введеннаго. Песочное же омовенїе

употребительно тогда только, когда совсемъ нѣтъ воды.

Постъ по завѣту Магомета содержатъ каждую пятницу и тогда долѣе молятся обыкновеннаго; великїй же постъ свой имѣютъ во время Рамазана, продолжающегося 28 дней и начинающегося всегда съ новолунїя девятаго мѣсяца года ихъ, въ которое время многїе восходятъ на высокїя башни, или на кровли домовъ, и смотрятъ на небо, доколѣ не коснутся очей ихъ первые лучи новыя луны, послѣ чего кричатъ громогласно: *Уже настала луна.* Въ сей постъ не ѣдятъ они и не пьютъ ничего днемъ и воздерживаются нетокмо отъ куренїя табаку, но и отъ всякихъ иныхъ своихъ прихотей, пока Имамы не возжгутъ лампадъ, находящихся вокругъ столбовъ мечетей ихъ; ибо вся-

кой нарушитель предписаннаго закономъ воздержанія строго наказывается, или порицается. Въ лѣтнее время часто видѣть можно удрученныхъ въ постъ сей великимъ жаромъ и истомленныхъ до крайности жаждою, но недерзающихъ прохладить себя ниже каплею воды. Благоговѣйные же препровождаютъ цѣлыя почти сутки въ мечетяхъ и нетокмо не имѣютъ никакихъ забавъ, но и убѣгаютъ собесѣдованія и всякаго инаго по дѣламъ сношенія, вѣря несомнѣнно по преданію Пророка своего, что тогда бываютъ отверсты двери Райскія, а заперты адскія, и что потому надлежитъ въ сіе время устремлять мысли свои единственно къ Богу. Но тѣ, кои нестоль набожны, перемѣняютъ токмо по необходимости дни въ ночи и днемъ спятъ, а

ночью пируютъ и удовлетворяютъ во всемъ воли своей. Жены же преклонныя къ суевѣрїю, равно какъ и подобные имъ мущины, начинаютъ постъ сей за двѣ недѣли прежде назначеннаго времени. —

Милостиня, влекущая за собою, какъ гласитъ и самой Алкоранъ, благословенїе Божїе, исполняется ревностно людьми посредственнаго состоянїя, а богатыя рѣдко оную соблюдаютъ въ предписанной закономъ точности, дабы каждый изъ всего имущества давалъ сотую долю для нищихъ и убогихъ; ибо чрезъ то можно бы было смѣтить вѣрно ихъ сокровища, кои правительство любитъ присвоивать себѣ съ жизнїю ихъ обладателей.

Поклоненїе святымъ мѣстамъ имѣетъ великую силу въ прос-

томъ Турецкомъ народѣ, ибо ежегодно въ Маїѣ мѣсяцѣ собирается въ Царь-градѣ изъ разныхъ мѣстъ болѣе пятидесяти тысячь молельщиковъ, отправляющихся оттуда въ исходѣ сего мѣсяца въ Мекку, и число ихъ увеличивается гораздо еще болѣе въ Дамаскѣ и великомъ Каирѣ, откуда всѣ идутъ къ горѣ Арафатской, гдѣ приносятъ жертву, состоящую въ закланїи многихъ овновъ и въ составленїи изъ оныхъ трапезы для убогихъ, при чемъ всѣ почти снимаютъ съ себя прежнїя одежды и обвившись бѣлымъ полотномъ обходятъ нѣсколько разъ гору, означая чрезъ то, что такъ надлежитъ имъ оставить грѣхи свои, какъ оставили одежды, и облечись въ непорочное житїе, какъ облеклись въ чистыя и бѣлыя ризы. Султанъ

посылаетъ съ ними всегда Алкоранъ, покрытый золотою парчею, на верблюдѣ, котораго на возвратномъ пути убираютъ цвѣтами и освобождаютъ на всю его жизнь отъ всякой работы; да сверхъ того посылаетъ еще самаго тонкаго чернаго сукна, сколько нужно, для перемѣны покрывала гробницы Магометовой; ибо старое снимается съ оной, раздирается въ самыя мѣлкія части и раздается всѣмъ, посѣтившимъ оную, которые за таковые лоскутья оставляютъ тамъ деньги и множество драгоцѣнныхъ вещей. Нѣкоторыя изъ сихъ людей странствуютъ въ Іерусалимъ, по любопытству и слуху о чудесахъ Христовыхъ, и почитаютъ удоліе Іосафатово полемъ сраженія, гдѣ въ день страшнаго суда поражены будутъ нечестивые.

Супружество у ТурковЪ ничто другое, какЪ простой договорЪ, которой всякая сторона, исполнивЪ только обязательство, данное при ономЪ вЪ судѢ, можетЪ оставить. ИмЪ дозволяется содержать кромЪ таковыхЪ законныхЪ женЪ и другихЪ вольныхЪ и рабынь. Естьли кто пожелаетЪ взять вЪ жену себѢ дѢвицу, или вдову, то даетЪ о томЪ знать родителямЪ ея, или родственникамЪ, и когда сЪ обѢихЪ сторонЪ согласятся, то подписываютЪ договорЪ свой вЪ присутствіи Кади, или судіи, и двухЪ свидѢтелей; приданое же даетЪ мужЪ, а болѢе никто. ВЪ день свадьбы пріѢзжаетЪ невѢста подЪ навѢсомЪ на конѢ, покрытомЪ большимЪ ковромЪ, вЪ провожаніи нѢсколькихЪ женщинЪ, кЪ жениху, который дожидается у воротЪ

и въ первый разъ ее обозрѣваетъ; ибо тамъ мущины по чужимъ рѣчамъ освѣдомляются только о красотѣ и нравѣ тѣхъ, коихъ за себя взять хотятъ. Потомъ провождаютъ день въ ликованіи и пиршествѣ, а ночь оставляютъ для утѣхи новобрачнымъ.

О погребательныхъ же обрядахъ Турецкихъ не упоминается здѣсь для того, что оные совершаются почти также, какъ и у насъ.

Конецъ.